

Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты

«Языки Славянской Культуры»

2004

Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты
/ «Языки Славянской Культуры», 2004

Книга «Геопанорама русской культуры» задумана как продолжение вышедшего год назад сборника «Евразийское пространство: Звук, слово, образ» (М.: Языки славянской культуры, 2003), на этот раз со смещением интереса в сторону изучения русского провинциального пространства, также рассматриваемого *sub specie* реалий и *sub specie* семиотики. Составителей и авторов предлагаемого сборника – лингвистов и литературоведов, фольклористов и культурологов – объединяет филологический (в широком смысле) подход, при котором главным объектом исследования становятся тексты – тексты, в которых описывается образ и выражается история, культура и мифология места, в данном случае – той или иной земли – «провинции». Отсюда намеренная тавтология подзаголовка: провинция и ее локальные тексты. Имеются в виду не только локальные тексты внутри географического и исторического пространства определенной провинции (губернии, области, региона и т. п.), но и вся провинция целиком, как единый локус. «Антропология места» и «Алгоритмы локальных текстов» – таковы два раздела, вокруг которых объединены материалы сборника. Книга рассчитана на широкий круг специалистов в области истории, антропологии и семиотики культуры, фольклористов, филологов.

, 2004

© Языки Славянской Культуры, 2004

Содержание

От составителей	5
Антропология места	7
I. Территория Евразии	7
С. Ю. Неклюдов (Москва)	7
1.	7
2.	8
3.	9
Библиография	9
В. Л. Кляус (Москва)	10
Библиография	18
Н. Б. Бахтин (Санкт-Петербург)	19
Библиография	26
Д. К. Равинский (Санкт-Петербург)	27
Библиография	33
II. Европейская «окраина»	34
Ф. П. Федоров (Даугавпилс)	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Коллектив авторов

Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты

От составителей

Представляемая читателю книга лежит в русле двух направлений, которыми в течение последних лет мы занимались в рамках соответствующих научных проектов: текст пространства – пространство текста и текст времени – время в тексте.¹

Первому из них – евразийское пространство – евразийский текст – был посвящен вышедший год назад в той же серии сборник «Евразийское пространство. Звук, слово, образ» (М.: Языки славянской культуры, 2003). Представленная в сборнике проблематика: от мифологических реконструкций до шаманских традиций, от фольклорных текстов до авангардистских экспериментов в литературе и музыке – объединялась «движением по евразийскому пространству». Имелось в виду пространство не только географическое, но и семиотическое, ориентированное на разные культурные коды.

«Геопанорама русской культуры» мыслилась как продолжение этого сборника, но со смещением в другую сторону исследования пространства и времени, также рассматриваемых *sub specie* реалий и *sub specie* семиотики. Эта «другая сторона» – провинция, понятие для русской культуры неоднозначное и даже болезненное. Провинция обычно рассматривается как антитеза столице, и, соответственно, все евразийское пространство России, за исключением двух точек, двух городов-столиц, Москвы и Петербурга, по определению является провинцией. Отсюда намеренная тавтология подзаголовка: провинция и ее локальные тексты. Имеются в виду не только локальные тексты внутри географического и исторического пространства определенной провинции (губернии, области, региона и т. п.), но и вся провинция, целиком, как единый локус.

Идея единства, состоящего из разного, поддерживаемого и питаемого разным, не нова. Однако применить ее на практике не так просто, особенно когда речь идет о таком огромном пространстве как русская Евразия. Очень часто разное представляется в виде хаотического набора местных достопримечательностей. Осмыслить их общность, увидеть в них проявление единой культурной традиции помогает исторически сложившийся образ каждой из русских земель – «провинций», благодаря которому она и воспринимается как особый культурный феномен. Образы местности закреплены во множестве самых разнообразных текстов. Анализ этих текстов позволит определить основные черты образа места и выяснить его мифологическую основу: понять, наконец, что представляют собой «волжский», «уральский», «сибирский» и прочие провинциальные мифы.

Объединившиеся здесь авторы связаны общими интересами и уже продолжительным опытом совместной работы. Они входят в международную исследовательскую группу, сплотившую постоянных участников наших «провинциальных» конференций из разных городов России, а также Италии и Нидерландов. Характерной особенностью проекта являлось отсутствие постоянного «места действия»: на смену Твери (с Торжком и окрестными усадьбами), Ельцу (с Задонском и Лебедянью), Осташкову (с Ниловой пустыней), Перми (с Белой Горой и Соликамском), пришли города Верхней Волги (от Углича до Плеса) и, в завершение, итальянская провинция с центром в Бергамо. Поэтому «Геопанорама» самым естественным образом

---

¹ Поддержанных РФФИ и Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса).

дополняет и продолжает обсуждение и развитие того круга проблем, который был отражен в предшествовавших ей изданиях.²

Участников проекта и авторов сборника – лингвистов и литературоведов, фольклористов и культурологов – объединяет филологический (в широком смысле) подход, при котором главным объектом исследования становятся тексты – тексты, в которых описывается образ и выражается история, культура, мифология места – в данном случае, той или иной земли – «провинции». Исследования *hic et nunc* помогают понять, как идут процессы изменения провинциального локуса в сторону самодостаточности и самоидентификации, какой темп набирает духовная культура, настойчиво охраняющая свой «локальный» облик.

От провинциального текста мы пришли к геопанораме российского духовного и культурного пространства. «Антропология места» и «Алгоритмы локальных текстов» – таковы основные разделы сборника.

Место – во-первых, Евразия как целое. Во вторых, ее «европейские окраины», от Балтии до Урала (с особым вниманием к Пермскому культурному пространству).

Тексты – во-первых, представление самой провинции как некоего текста, основанное на анализе лексемы провинция, концепта провинции и образа провинции. Во-вторых, словесные и несловесные тексты о провинции (от романного пространства XIX в. и Юрятина Б. Пастернака до лубка и современного провинциального шансона).

Включенные в сборник публикации воспоминаний о провинции продолжают традицию, начатую нашим первым сборником «Русская провинция: миф – текст – реальность»: живые свидетельства ценны и сами по себе, и как верификация (или критика) предпринятого здесь подхода к анализу евразийского пространства/геопанорамы русской культуры.

---

² «Русская провинция: миф – текст – реальность» (М.: СПб., 2000), «Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли. Круглый стол 4 июля 2000 г., Пермь» (М., 2000), «Провинция как реальность и объект осмысления» (Тверь, 2001), специальные выпуски журналов Russian Literature «Provincija» (LIII–II/III, 2003, Amsterdam) – по материалам Волжской конференции (июль 2001) и Europa Orientalis (vol. 20, №. 1, 2003, Solerno) – по материалам конференции в Бергамо (декабрь 2001).

Антропология места

I. Территория Евразии

С. Ю. Неклюдов (Москва)

Самобытность и универсальность в народной культуре (к постановке проблемы)

1.

Народные культуры как объект гуманитарного исследования и как предмет идеологических спекуляций обнаруживают некоторую двойственность своей природы. С одной стороны, именно в них романтически ориентированный взгляд ищет (и легко находит) признаки национальной самобытности и уникальности. С другой же стороны, именно в данной области с особенной рельефностью проступают те формальные и содержательные элементы, которые следует причислять к универсалиям мировой культуры. В свою очередь, «самобытность» (или «культурная специфичность») предполагает множественность, разнообразие, несходство культурных манифестаций, тогда как за понятием «универсальность» стоит обобщенность и схематичность, однообразие и исчислимость структурных конфигураций, а также повторяемость составляющих их единиц. Частное специфично – всеобщее единообразно. Поскольку народные традиции демонстрируют высочайшую степень универсальности своих знаковых кодов и всей своей структурной организации, типологические исследования в этнологии и фольклористике весьма продуктивны и продолжают иметь хорошие перспективы. При этом выявляемая на фольклорном материале структурная устойчивость и всеобщность распространяется далеко за пределы народной культуры как таковой.

Общевразийские (и даже более широкие) сюжетно-композиционные схождения наблюдаются в произведениях героического эпоса, в образцах анималистической, фантастической, новеллистической сказки с ее типовыми сюжетами, в текстах несказочной прозы (былички, легенды, притчи и пр.). Сравнительной фольклористикой накоплен огромный материал такого рода; на его основе сделан ряд масштабных эмпирических обобщений (прежде всего, в виде каталогов сюжетов и мотивов). Универсальный (межрегиональный, интернациональный) характер имеют устойчивые значения, стоящие за теми или иными эпизодами, описаниями и стилистическими фигурами фольклорного повествования.

Многочисленны типологические параллели между разными национальными формами низовой городской словесности: литературной новеллой и средневековым романом, куртуазной лирикой трубадуров и суфийской арабской, а также японской поэзией и т. д. (см.: Мелетинский 1998, 404–418). В новейшее время подобную же универсальность и повторяемость обнаруживают традиции массовой культуры.

Столь высокая степень формальной и тематической устойчивости элементов народной культуры (см.: Чистов 1986, 189 сл.), а также типологически близких или восходящих к ней традиций, по всей видимости, находит свое объяснение в идущей от Лейбница идее «семантических примитивов», предполагающей существование некоего конечного множества общечеловеческих концептов и допускающей «установление окончательного набора универсальных атомов смысла («алфавита человеческих мыслей»))» (Вежбицкая 1993, 190–191).

Архетипические смыслы, заключенные в текстах народной культуры, вероятно, надо считать относящимися к общему знанию традиции. Они лежат ниже значений, прямо формулируемых ею в виде конкретных текстов (так сказать, в «коллективном бессознательном»), и соотносимы со столь же универсально воспроизводимыми, повторяющимися природными и социальными ситуациями, психофизио-логическими движениями и т. д.

Однако постоянны не только сами темы как таковые, но и их последовательность (ср. «морфологическую формулу» Проппа). Для всей мировой культуры существует однотипная трехэлементная повествовательная структура (в наиболее общей формулировке – завязка, кульминация и развязка), являющаяся основой нарратива и, по всей видимости, имеющая столь же универсальный, общечеловеческий характер. Это связано с тем, что при возникновении «культурного текста» (фено-текста, по Кристевой) в континуальность воспринимаемой реальности вносится дискретность, проекцией которой в нарративных формах является отмеченность начал и концов текста. Правила его построения, в традиции обычно не эксплицируемые, могут быть названы суперструктурами, задающими общую форму дискурсу (см.: Ван Дейк 1989,41).

Кроме того, можно предположить, что в «знании традиции» содержатся такие ментальные структуры, которые вообще не обязательно формулируются в виде текстов-сообщений и имеют лишь регулятивные, «управляющие» функции. Это, во-первых, сами правила построения текста, а во-вторых – разнообразные предписания и запреты, касающиеся целесообразности/ нецелесообразности, уместности/неуместности или необходимости/опасности его исполнения (см.: Зеленин 1934, 215–240; Цивьян 1985,154). Естественно, обычно это знание является в большей или меньшей степени достоянием всех носителей данной традиции (если, конечно, не считать эзотерических знаний, закрытость которых от непосвященных противостоит всеобщей доступности знания профанного, принадлежащего всем членам сообщества; это, впрочем, не вносит никаких корректив в обсуждаемую когнитологическую проблематику).

Соотношение того и другого подобно соотношению текстовых и командных файлов в памяти компьютера. Иными словами, сообщения – это «текстовые файлы» традиции, но ее знание включает еще и командные файлы, то есть всю ту организующую среду, которая обеспечивает возможность воспроизведения текста и его восприятия.

Итак, к области универсального относятся элементы культурных текстов, порожденные сходством или тождеством природных и социальных ситуаций, психофизиологической общностью человеческой природы, культурными архетипами, а также регулятивными структурами текстопорождения.

2.

Как уже было сказано, именно в народных традициях усматриваются (прежде всего романтически ориентированной наукой и идеологией) истоки и доминанты национальной самобытности – в противовес обезличивающей глобализации, происходящей в областях «высокой» культуры. Соответственно, национальные научные традиции зачастую склонны настаивать на уникальности своих объектов, их абсолютной «несравнимости» с фактами других этнических культур и полной неприемлемости (в данном вопросе или вообще) любых универсализирующих методов исследования (сравнительно-типологических, структуралистских и др.). С этой точки зрения, понятие «мировой фольклор» (или «фольклор народов мира») либо обозначает не более чем механическую сумму всех существующих на земле устных национальных традиций, либо вообще лишено всякого смысла.

Но можно пойти еще дальше и обратить внимание на тот факт, что вообще нет никакого «общенародного» фольклора, стоящего над локальными традициями (подобно тому как национальный язык стоит над диалектами). «Фольклор в его конкретных материальных выражениях,

в живой функциональной плоти, в реальных «единицах» текстов существует только как региональный/локальный. Понятие общенародного обретает реальность только на уровне отношения между региональными/ локальными традициями», причем региональность обусловлена спецификой хозяйственно-культурного и социоэтнического функционирования сообщества, а локальность как таковая связана с ячейкой общественной жизни (например, общиной), до известной степени замкнутой и имеющей целостную структуру сохранения и регулирования социального организма. При этом региональная/локальная специфика не обусловлена целиком природными или социальными обстоятельствами, внешними по отношению к культуре, и не сводится к исторической преемственности древнего наследия. Она есть не наличие редких (или даже уникальных) форм, но скорее специфическая интерпретация общего, что, в свою очередь, представляет собой частный случай более общей вариативности народной культуры как ее неотторжимого качества (см: Путилов 1994,145–153).

Проявления и свойства, позволяющие отличить себя от соседей, в том числе относящихся к тому же этносу, как правило, хорошо осознаются носителями локальной/региональной культуры («мы не так поем», «не так делаем», «не так носим» и пр.). Черты, определяющие ее специфику, составляют своего рода «пучки дифференциальных признаков», перечень которых может быть довольно большим. При этом часто речь идет о малозаметном на посторонний взгляд варьировании (или взаимодополнении) элементов, их чередовании с «нулевой формой» и т. д., тогда как другие случаи различий (в том числе и более значительных) могут не осознаваться как культурно-дифференцирующие. В конечном счете и сходства, и различия в известном смысле существуют только для наблюдающего субъекта, имеющего определенный угол зрения и определенный фокус своего интереса, причем относится это как к носителю традиции, так и к ее исследователю. По отношению к оппозиции универсальность/самобытность различные фрагменты народной культуры занимают неодинаковое положение. Оно же, по всей видимости, в конечном счете определяется, во-первых, их прагматическим измерением, многоаспектной связанностью с меняющимся жизненным контекстом (чем меньше эта связанность, тем универсальней), во-вторых, близостью к глубинным, «базовым», архетипическим ментальным структурам общественного сознания (чем ближе, тем универсальней) и, наконец, в-третьих, их стадийными характеристиками, часто принимаемыми за проявление самобытности.

3.

Учет вышеперечисленных обстоятельств вносит некоторые коррективы в проблему многоаспектных соотношений культурного разнообразия, с одной стороны, и культурных универсалий – с другой, и это становится особенно очевидным в последнее десятилетие уходящего века. Как было замечено, «недавно антропология столкнулась с совершенно новым явлением – с тем, что, похоже, спектр этого разнообразия быстро сужается и бледнеет. Мы можем очутиться в мире, в котором просто не останется охотников за черепами, тех, кто ведет свою родословную по материнской линии, или людей, предсказывающих погоду по свиным потрохам»; «необходимо начать думать об этом разнообразии совершенно иначе, чем мы привыкли <...> вместо рассортированности по четко очерченным ячейкам (то есть по социальным пространствам с определенными границами) совершенно разные подходы к жизни начинают перемешиваться на неясно очерченных просторах (то есть в социальных пространствах, границы которых подвижны, размыты и трудноопределимы)» (Герц 1993,168,182).

Библиография

Ван Дейк Т. А.: 1989, Язык; Познание; Коммуникация: Сборник работ, Москва.

Вежбицкая А.: 1993, 'Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурах о специфических контекстах', Thesis: Теория и история экономических и социальных систем: Альманах, [Москва], т. I, вып. 3: Мир человека.

Герц К.: 1993, 'Польза разнообразия', Thesis: Теория и история экономических и социальных систем: Альманах, [Москва], т. I, вып. 3: Мир человека.

Зеленин Д. К.: 1934, 'Религиозно-магическая функция фольклорных сказок', Сергею Федоровичу Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности: 1882–1932: Сборник статей, Ленинград.

Мелетинский Е. М.: 1998, 'Проблемы сравнительного изучения средневековой литературы: (Запад/Восток)', Мелетинский Е. М., Избранные статьи; Воспоминания, Москва.

Путилов Б. Н.: 1994, Фольклор и народная культура, С. – Петербург.

Цивьян Т. В.: 1985, 'Мифологическое программирование повседневной жизни', Этнические стереотипы поведения, Под ред. А. К. Байбурина, Ленинград.

Чистов К. В.: 1986, Народные традиции и фольклор, Ленинград.

В. Л. Кляус (Москва)

Образ старообрядцев (семейских) Забайкалья в записках и работах первых путешественников и исследователей³

На карте России пока еще остаются регионы, где даже в начале XXI века традиционная культура сохранилась если не в основных, то во многих своих важных элементах. Одним из таких мест является Западное Забайкалье, район компактного проживания старообрядцев (семейских). Благодаря специфическому укладу жизни, выражающемуся, в частности, в строгости религиозных устоев, иноэтническому и инорелигиозному окружению, они значительно отличались и отличаются до сих пор от окружающего населения (русских старожилов, в частности, казаков и бурят). Именно это всегда и привлекало к семейским особое внимание всех, кто встречался с ними.

В настоящей статье мы рассмотрим свидетельства о семейских в письмах, записках и статьях конца XVIII – первой трети XIX века. Эти ранние описания, оставленные просвещенными путешественниками, рисуют один и тот же образ старообрядцев и являются как бы вариантами одного текста. Нам представляется, что этот «текст» возник не только посредством отражения конкретных реалий, но и вследствие того, что каждый новый автор черпал узнаваемые им детали и черты из более ранних сообщений и рассказов, так что каждый последующий очерк содержал в себе элементы предыдущих.

В Забайкалье семейские появились в XVIII столетии. Их переселение носило принудительный характер. Под солдатским конвоем они были выведены из районов Ветки и Стародубья, тогда еще польских земель (ныне это Могилевская обл. Белоруссии и Черниговская обл. Украины), куда старообрядцы бежали из Центральной России после церковного раскола. Основной целью выселения было хозяйственное освоение новых земель за Байкалом и их экономическое развитие (см.: Болонев 1994).

«Польские» старообрядцы переезжали в Забайкалье, видимо, в течение всего XVIII века, но основная их группа появилась здесь в 1765 г., что зафиксировано во многих архивных документах. Уже в 1772 г. в деревнях, где они жили, побывал академик П. С. Паллас. В своем «Путешествии по разным провинциям Российского государства» он кратко, но несколько раз упомянул о «поляках». Основной мотив, который у П. С. Палласа звучит в связи с ними, – это трудолюбие и хозяйственная сметливость новых поселенцев:

---

³ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 04-04-78840/Б.

«Верст за шесть прибыли в деревню Пестереву, дворов с шесть, оттоль в Надеину, дворов десять, проехав переехали два ручейка Улунтуи и Султура, в Куйтун текущие, оттоль в недалеко от вершин Куйтуна находящуюся деревню того же имени, дворов с 30 старожилов, имеющую и 44 польских колонистов, кои по лесистым горам не без малого труда и прилежания, но и не без желанного успеху расширяются. Оне имеют довольное хлебопашество, а жалуются только, что по подлежащим сенокосам не много для скота травы родится, которым напротив того оне уже довольно развелися. ... Поляки, чтоб кустоватые и лесистые места сделать пахотными, с чрезвычайным успехом употребляют плуг, коего сошники сделаны на подобие в их земле употребляемой ... Стоячей или косой оной сошник наиболее служит для подрезывания попадающихся кореньев, и еще от старых русских мужиков в польских лесистых местах поселившихся выдуман; а прежде поселенные сюда поляки из полуденных польских степных мест оной употреблять думали» (Паллас 1878, 225–226).

Здесь П. С. Паллас описывает жизнь старообрядцев села Куйтун, с которыми он познакомился ближе всего. Интересно, что именно тесное общение с куйтунцами побудило ученого отметить деревеньку на своей карте в книге (см. Приложение I; см. также: Кляус 2003).

Одной из задач путешествий П. С. Палласа, как известно, была оценка природных, людских и экономических ресурсов России. Наблюдение за результатом первых лет жизни «польских колонистов» на новом месте, в Забайкалье, позволило П. С. Палласу указать на них как на важную, с хозяйственной точки зрения, группу населения Восточной Сибири. XIX столетие полностью это подтвердило. В дальнейшем все, писавшие о семейских, указывали на их трудолюбие и успехи в хлебопашестве и скотоводстве.

В 1824 г. через Тарбагатай на Новый год проезжал А. И. Мартос, служивший в те годы надворным советником при Енисейском губернском правлении. Ему принадлежит одна из первых художественных зарисовок встречи с семейскими:

«Я спешил войти в дом; чистые сени привели меня в опрятную комнату. Мне это с первого взгляда очень понравилось. «Чей это дом?» – спрашиваю женщину, которая пришла поздравить меня с приездом. «Крестьянина, сударь!» – отвечает мне. Мебель красного дерева, со вкусом выработанная, полы покрытые коврами, большие зеркала в нарядных рамах, в третьей комнате часы с музыкою заставили меня забыть ответ и снова повторить прежний спрос. «Хозяин наш крестьянин Верхнеудинского округа, – отвечает женщина. – И теперь его нет дома: он уехал в город, но сего дни ждем его». Во время моих начальных расспросов выходит и хозяйка, приветствует меня с Новым годом, говорит, что она рада в день сей иметь гостя, и повторяет, что ее муж непременно скоро возвратится. Во время наших разговоров девушка, прекрасная собою, приносит мне чай: он был очень хорош; скоро приглашают обедать. Четыре блюда хорошо приготовленные, чистой прибор, чистая скатерть и салфетки, очень хорошо вычищенные серебряные ложки придали мне и лучший аппетит.

Скоро смерклось, – подали свечи. Хозяйка ко мне приходит и говорит: «Что как верно мне у них в Тарбагатае скучно, то для сокращения времени не угодно ли мне прочесть журналы?» Я снова удивился, увидя перед собою, в доме крестьянина, за 6500 верст от столицы, петербургские политические и литературные периодические издания. «Хозяин давно выписывает их, – говорит хозяйка, – И газеты тоже мы исправно получаем...»

Таким образом в самом приятнейшем занятии прошел вечер первого дня Нового года...

На другой день хозяин дома возвратился из города; он показывал мне собрание географических карт, недавно изданных в С. – Петербурге, говорил, что любит литературу и сельские работы, и тем особенно вселил в меня неизъяснимую радость при виде крестьянина с бородою, который знает быть настоящим человеком.

Сегодня холод стал сноснее, и я еду в Верхнеудинск.

Непростительно было бы умолчать об имени моего нового Тарбагатайского знакомого; он называется Федот Иванов Заиграев» (Мартос 1827, 110–116).

В рассказе А. И. Мартоса о встрече с семейскими появляются следующие мотивы: опрятность семейских домов, достаток и хорошая еда, глубокая образованность, если не всех, то отдельных старообрядцев, в данном случае Ф. И. Заиграева. Примечательно, что этот путешественник, как и П. С. Паллас, рисуя карту своего передвижения по Забайкалью, отмечает на ней село, жители которого больше всего его поразили, в данном случае Тарбагатай (см. Приложение II).

Книга А. И. Мартоса с описанием встречи с семейскими и картой, которая называется «Чертеж дороги от Иркутска на Кяхту кругом моря Байкала через хребет Хамар-Дабан», была, несомненно, знакома декабристам, отправленным в ссылку в Забайкалье. Сеем даже предположить, учитывая год выхода (1827), что она во многом и была написана для декабристов и о декабристах, – последнее в том смысле, что рассказывала о людях, природе и суровых климатических условиях Восточной Сибири и Забайкалья, то есть об обстоятельствах жизни, в которых оказались многие декабристы. А. И. Мартос, участник русско-турецкой кампании (1810–1812) и Отечественной войны 1812 г., переводчик, автор военных мемуаров, исторических сочинений, ненавидел жестокость и насилие и явно был знаком с некоторыми декабристами (см.: РП, 530–531).

Видимо, не случайно то, что, уехав в Сибирь в 1822 г. в чине надворного советника при Енисейском губернском правлении и став в 1824 г. председателем Енисейского губернского суда, А. И. Мартос уже в 1826 г. уволился с этого поста «по болезни», возможно, понимая, что, находясь на нем, ему пришлось бы заниматься делами своих бывших друзей и сослуживцев.

Описанная А. И. Мартосом встреча с тарбагатайцем Ф. И. Заиграевым, в доме которого просвещенный русский путешественник мог отдохнуть телом и душой, не осталась незамеченной декабристами. Именно у этого старообрядца, крупного подрядчика, декабристы, видимо, неоднократно останавливались на постой, когда их путь пролегал через Тарбагатай.

Свидетельства о семейских оставлено Н. и М. Бестужевыми, А. П. Беляевым, А. Е. Розеном, И. Д. Якушкиным, В. И. Штейнгейлем. Одно из них как бы продолжает рассказ А. И. Мартоса о Ф. И. Заиграеве и других тарбагатайцах:

«Помещали нас в крестьянские избы. Избы имели по несколько комнат с обоями, большими окнами и досчатыми крышами. С одной стороны сеней была просторная комната для работников с могущественной русской печкой, по другую сторону от 2 до 5 комнат с голландскими печами; полы были уложены коврами туземного изделия. Столы и стулья были чисто выструганы и даже не было недостатка в зеркалах, купленных на Ирбитской ярмарке. Хозяйки гостеприимно угощали нас ветчиной, осетриной и разными пирогами. На дворах мы видели окованные железом телеги, хорошую сбрую, сильных и сытых лошадей и здоровых осанистых людей, производивших на нас удивительно хорошее впечатление. Было воскресенье; все шло в молельную; мужчины в длинных армяках синего сукна и в хороших собольих шапках, женщины в шелковых с собольим воротником душегрейках; на головах шелковые платки, вышитые золотом и серебром. Многие из них капиталисты; у некоторых – тысяч до ста...

– Отчего ваши соседи так бедны? – спрашивал один из декабристов. – Как же им не быть бедными – отвечал наш хозяин: мы идем на работу в поле с петухами, а сибиряк варит себе кирпичный чай и пока соберется на работу, солнце уже успеет высоко подняться. Мы уж первую работу сделаем и отдыхаем, а сибиряк в самую жару мучит и лошадь и себя. Кроме того поселенцы предаются пьянству; они тратят каждую копейку и не могут скопить капитала» (цит. по: Максимов 1871, 324–325).

В 1830 г. были опубликованы «Отрывки о Сибири» М. М. Геденштрома, который побывал в семейских селах чуть раньше декабристов. Он отзывался об их жителях следующим образом: «Старообрядцев считается до 8000 душ мужеска пола; и селения их расположены на полдень от Верхнеудинска до верховья р. Чикоя на расстоянии более 400 верст. Некоторые из них имели до 1000 голов крупного и мелкого скота и засеивали до 100 десятин, нанимая к тому

работников из бурят и сибиряков. Народ рослый и красивый, в чем выгодно отличается от сибиряков; в строении домов и селений, в пище и одежде, в наречии имеют они совершенно сходство с русскими внутренними губерний, которых в чистоте и опрятности даже превосходят. Увидев старообрядцев и их селение, забываем, что в глубокой Сибири, и воображаем, что перенесены в богатое село среди России. Старообрядцы твердо держатся веры отцов своих» (Геденштром 1830, 61–62).

В сообщениях М. М. Геденштрома, продолжают развиваться темы, начатые А. И. Мартосом. Но появляются и новые: физическая сила, здоровье и крепость забайкальских старообрядцев, красота и своеобразие их одежды и отличие семейских от других русских старожилов – сибиряков, причем явно в пользу первых.

Не менее восторженно в письмах к родным о семейских писали братья Бестужевы, которые отбывали ссылку в Селенгинске:

«...И здесь, называемые Семейские деревни изумили бы любого русского и огромностью, и довольством. Во всей Сибири ты не найдешь черной избы, едва отыщешь решетного хлеба. Русской мужик редко ест говядину; здешний если не всегда, то часто. Скотоводство велико; пажити для него обширны <...> Здесь, по Чикойе реке, есть селения, где не только равнины, но даже горы до самых вершин запахиваются, куда соху надо завозить верхом или заносить руками и где пахут на таких крутизнах что борозду можно толико делать сверху, а на верх соху опять заносить на руках должно. Этот пример трудолюбия, вознаграждается почти всегдашними урожаями. Внизу по течению Селенги есть старообрядческие многолюдные селения, которые также щеголяют хлебопашеством, особенно известна так называемая Тарбагатаевская пшеница...» (Бестужевы 1929, 14, 81).

Практически все мотивы, характеризующие семейских, а также предание об их поселении в Забайкалье из описаний А. Мартоса, М. Геденштрома, Н. и М. Бестужевых и других декабристов нашли свое отражение в поэме Н. А. Некрасова «Дедушка»:

Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары.
Глядь – уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
<...>
Мельницу выстроят скоро;
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали, —
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
<...>
Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!

<...>
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда, —
Видно – ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка,
Из соболей воротник!
Дети до возраста в неге,
Конь – хоть сейчас на завод, —
В кованой прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну, уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока, —
Только ты им не мешай.
«Где ж та деревня?» – Далеко,
Имя ей: Тарбагатай,
Страшная глушь, за Байкалом ...

(Некрасов 1975)

Конечно же, в этих строках Н. А. Некрасов нарисовал прежде всего идеальную деревню, мужицкий рай, расположенный далеко, в труднодоступном месте. Но здесь он шел вслед за своими первоисточниками, авторы которых увидели в жизни забайкальских старообрядцев пример того, как может жить русское крестьянство, если ему не мешать, освободить от крепостного и духовного гнета⁴.

С середины XIX в. интерес к семейским усилился. Один из известных этнографов того времени С. В. Максимов в 1861 г. посетил забайкальские старообрядческие села. В целом он пишет о том же, что и его предшественники:

«В нашей дорожной книжке по горячим словам записались следующие строки (16 января 1861 года) – «Сибирским народом недовольны, как бичурские семейские, так и мухоршибирские. Встанет сибиряк – чай пьет, в поле идет – глядишь опять домой тащится есть; в вечеру опять дома чай пьет. Хозяйство для них второе дело. Опять же у нас молодежь до 20 лет водки не смеет пить, а у тех ему и в этом воля. Казаки же народ совсем гиблой и недовомитой; ни в чем они на нас не похожи»» (Максимов 1871, ч. 1, 324–325).

«... При сытой и обеспеченной жизни и при некоторой свободе ее (в последнее время) эти семейские выродились в людей замечательно крепкого и красивого телосложения; женщины

---

⁴ Интересно было наблюдать, как в 2000 г., когда российско-американская экспедиция проезжала Тарбагатай, Маркус Левитт (руководитель с американской стороны, профессор USC, Лос-Анжелес) стал читать для своих студентов специально приготовленный к данному случаю этот отрывок поэмы. Здесь наши американские коллеги, находясь в роли просвещенных путешественников, пытались увидеть в окружающих людях, домах и природе тот, уже практически ушедший мир, который описан в поэме словами дедушки-декабриста (см. Levitt 2001, 16).

поражают красотой лиц и дородством тела. Сибиряки, хотя и прозвали их «в остро головными сычами» (за довольно верную и приметную особенность), далеко уступают им в дородстве и силе. Женщины вольны на словах и на деле, мужчины отличаются все до единого бойкостью языка и свободой в разговорах. Про Россию и про своих там единоверцев знают всю подноготную, не теряя общений и сближений; сами по себе остались верны старой вере и старым обычаям <...> (Максимов 1871, ч. 2, 218–219).

Новым в книге С. В. Максимова было то, что в ней впервые рассматривается вопрос об истории их переселения на основе свидетельств, записанных от самих старообрядцев, что в дальнейшем стало одной из основных тем исследовательских работ.

Первую собственно научную поездку к семейским совершил граф П. А. Ровинский. Известный этнограф и филолог, проводивший экспедиции на свои собственные средства, он специально приехал в Забайкалье для изучения фольклора и языка русского старожильского населения, без чего, по его мнению, невозможно было понять культуру славянских народов.

П. А. Ровинским было написано несколько статей, в которых опубликованы не только наиболее ранние записи семейского фольклора: песни, духовные стихи, устные рассказы, заговоры – но и описаны ситуации общения одного из образованнейших людей России с забайкальскими старообрядцами. Дело происходит в Бичуре, где П. А. Ровинский прожил большую часть времени, которую он провел у старообрядцев, квартируя у семейских-беглопоповцев.

«Накануне Преображенья я отправился ко всенощной в единоверческую церковь. Народу было очень немного... Другой напев с сильным ударением в нос, множество лишнего против нашего православного служения делало всю службу мало понятною. Она шла около трех часов. Воротившись домой, я застал своих хозяев не спящими.

– Где погулял, Аполлонович? – спрашивает меня Евсей.

– У всенощной – отвечаю ему.

– Не уж кончилась так скоро? А ты вот посмотри, как у нас будет.

Я ушел в свою комнату, а тут началось чтение.

В 11 ч. ко мне вошел Евсей, одетый в черный нанковый халат, подпоясанный черным же бумажным кушаком, гладко причесанный.

– Вот, а я иду на моление, ты заметь, сколько теперь часов, а потом поглядишь, как ворочусь.

Утром давно уже рассветало и солнышко взошло, я еще вставал и ко мне опять зашел Евсей, так же как вчера, одетый и приглаженный.

– Что это ты, опять на моление? – спрашиваю его.

– Нет, я только что с полуношницы.

Было уже половина 6-го» (Ровинский 1873, № 2, 99– 101; № 3, 119).

Для П. А. Ровинского его хозяева были одним из основных источников этнографического и фольклорного материала. Видимо, немало вечеров он провел за чашкой чая с Акулиной, женой Евсея, расспрашивая ее об обрядах, преданиях, слушая песни и духовные стихи. Это общение, искренняя симпатия к семейским позволили ему так завершить одну из своих статей:

«В настоящее время семейские, стоя вне общего образования, представляют весьма пригодную среду для своих начетчиков, для которых это ремесло доставляет хлеб. <...> Но это все только до времени: крепкая натура семейского не поработана, не подавлена ими. Они, можно сказать, не имеют никакого влияния; они нужны для того только, чтоб показать, что семейский составляет нечто особенное, отдельное от остальных, а в этом обособлении, как я уже замечал, лежит принцип более гражданский, чем религиозный. Поэтому, мне кажется, что не религиозная пропаганда может слить семейских с остальным населением, а мерами чисто светскими можно возратить их в лоно православной церкви. Оставьте их в покое, заботьтесь больше об своих, разлейте больше свету и благосостоянья между своими, семейский не отстанет» (Ровинский 1873, № 3, 133).

В последнее десятилетие XIX века в Кяхте (город на границе с Монголией) работал известный врач и антрополог, поляк Ю. Д. Талько-Грынцевич (см.: 1898). Он оставил интересные воспоминания об этом периоде своей жизни, и в которых, в частности, писал:

«Почти каждый год я выезжал на рекрутский набор. <...> В первые годы такие выезды на набор меня интересовали. Я узнавал край, людей, их отношения. В одной из самых больших деревень, заселённой староверами, Бичуре (Верхнеудинский округ), имеющей улицу длиной 12 километров и до семи тысяч жителей, я первое время делал антропологические исследования, тем более что население имело много старинных славянских черт без позднейших азиатских наслоений, было высокого роста, сильного крепкого телосложения и обращало на себя внимание прекрасными типами блондинов. Это был достаточно чистый тип без примеси так распространённых среди русских монгольских, финских или татарских черт. <...> Староверы отличались трезвостью и воздержанием. Родители, заботясь о судьбе своих детей, к 14–16 годам обычно соединяли их в браки, которые отличались исключительной плодovitостью. При выборе играло роль здоровье и происхождение из семей, не обременённых ни одной наследственной болезнью. Дети, рождённые в таких браках, отличались исключительным здоровьем. Часто встречались семьи, имеющие по 12 детей, я видел и таких женщин, которые в течение жизни имели от 20 до 24 детей... Несмотря на смерть множества детей, в основном от оспы, дизентерии, дифтерии, рождаемость превосходила смертность. Я не видел людей более здоровых и неутомимых, чем эти сектанты. Они были знамениты своим трудолюбием. <...> В торговле семейцы сообразительные и ловкие, каждый готов обмануть, однако у себя дома очень приятные и гостеприимные. Во время рекрутских наборов в Бичуре я провёл с ними за беседой не один вечер. Любимой темой их разговора обычно были религиозно-догматические дискуссии <...>» (Талько-Грынцевич 2000, 57–59).

Как врач, в своих воспоминаниях Ю. Д. Талько-Грынцевич обращает внимание прежде всего на здоровье семейских, вслед за остальными путешественниками он пишет и об их гостеприимстве, а мотив сообразительности, предприимчивости приобретает у него новую окраску – «ловкость» в торговых делах.

Еще один известный этнограф конца XIX века, Г. М. Осокин, изучая быт и культуру приграничного населения Забайкалья, долгое время работал среди семейских, записывая их сказки, заговоры, предания и обычаи. Его исследование во многом сравнительное. Именно поэтому он показывает семейских через их взаимоотношение с «сибиряками», другими русскими старожилами:

«Совместная жизнь сибиряка и семейского, несмотря на общность интересов, занятий, условий жизни и прочее, тем не менее далеко не одинакова. Стойкость убеждений семейского, его особенный взгляд на жизнь поставили последнего в некоторую отдаленность от сибиряка. В особенности это заметно в взаимных отношениях. <...> Если сибиряк относится к семейскому в большинстве безразлично или с некоторым недоверием, то семейский даже не скрывает своего полного неуважения, а также и презрения к сибиряку. <...> Сибиряк привык видеть в каждом семейском воплощение хитрости, обмана и бояться его как искусного вора и вообще, отдавая должное его силе и ловкости, боится какого-либо насилия и мести. В некоторых отношениях боязнь его не плод фантазии. <...> Ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения. И это тем резче выделяется и бросается в глаза в деревнях и селах, где они живут рядом с коренными сибиряками. Не редкость встретить 80-летнего старца семейского настолько бодрого, что он работает наравне с молодыми, тогда как среди сибиряков 70 лет уже редкость, у бурят же 60 лет почти предел <...>» (Осокин 1906, 63–65).

В работах этнографов второй половины XIX века: С. В. Максимова, П. А. Ровинского, Ю. Д. Талько-Грынцевича, Г. М. Осокина и др. – семейские показаны несколько с иной стороны, чем в предшествующий период: в частности, отмечено механическое следование древ-

неправославной обрядности основной массой семейских; особую роль уставщиков и начетчиков в их среде, которые поддерживали твердость в старой вере; ловкость в торговых делах, доходящая до хитрости и обмана и др. И дело не в том, что изменились сами семейские со времени общения с ними декабристов, а в том, что исследователи (в данном случае этнографы и фольклористы) нацелены на поиск и открытие новых граней изучаемого явления, тогда как для путешествующих более важен момент узнавания уже известного им из каких-либо предыдущих описаний.

В 1919 г., буквально в разгар гражданской войны в Забайкалье, у семейских побывал А. М. Селищев, один из замечательных филологов XX века, работавший в то время в Иркутском университете. Его книга о забайкальских старообрядцах – фундаментальный труд, не утративший своего научного значения до сих пор. А. М. Селищев рассматривает вопросы истории, духовной культуры, языка семейских и уже почти не дает тех эмоциональных оценок, на которые не скупился его предшественники. Тем не менее и у него между сухих научных строк прорываются искренняя радость от общения с семейскими. Вот какую жанровую сценку мы встречаем в книге исследователя (все происходит в с. Никольское):

«Отстояв вечерню, я вышел на паперть. Тлянитца тебе наша служба?» – спрашивает меня одна баба, выходя из моленной. – Если бы женский полк поменьше болтал за службой, было бы лучше. – «Помяни родителей», – обращается ко мне другая баба, подавая крашеное в луковичном отваре яйцо. – Спаси Христос, помяну. – За ней с тем же подношением еще баба и еще, и моя шапка сразу наполнилась крашеными яйцами. Бережно ступая по уличному зыбуну, направился я на свою квартиру, сопровождаемый довольными взглядами встречных семейских» (Селищев 1920,15).

Советская власть, окончательно утвердившаяся в Забайкалье в 1922 г., совершенно изменила, и на много лет, характер описания семейских. Во-первых, потому, что, как писала сотрудница Иркутского краеведческого музея А. М. Попова в 1924 г.: «К советской власти семейские относятся не особенно доброжелательно. Во многих селах некоторые слои населения даже враждебно, но признают ее, придерживаясь слов писания «несть власти, аще не от бога»⁵. Во-вторых – из-за противодействия семейских светскому образованию и стремления сохранить свою веру, образ жизни и традиции воспитания.

В последующие десятилетия в этнографической и особенно пропагандистской литературе авторы уже ничего не пишут о трудолюбии семейских, так как это стало восприниматься как данность, и эксплуатировалось в колхозах до самого последнего времени; ушла и тема их физического здоровья: необходимо было говорить как раз об обратном, чтобы доказать, как увеличение количества врачей на душу населения в Забайкалье влияет на уменьшение заболеваемости; твердость в вере, нравственная чистота, стремление сохранить традиции предков и образованность (последним, несомненно, обладали семейские уставщики) объявлялись косностью и фанатизмом; зажиточность, опрятность семейских домов – проявлением кулачества и мелкобуржуазности, которые необходимо было полностью искоренить; этнокультурная самобытность – пережитком прошлого (см., например: Долотов 1931).

---

⁵ См.: Попова 1928, 31. За пять лет до этого, в 1919 г., семейские иначе относились к большевикам. Вот что об этом пишет А. М. Селищев: «Отношение к «большевизне» сочувственное. Эти села только слышали программные речи большевиков и видели их бегущими после своего падения. По местам с благодарностью вспоминают, что большевики разрешили воспользоваться крестьянам спорной бурятской землей. Вернувшиеся военнопленные своими рассказами о голодающих деревнях европейской России несколько поколебали надежды на большевицкое благополучие» (Селищев 1920, 11). Если учесть, что до 1922 г. Забайкалье входило в Дальневосточную республику, то недоброжелательное отношение к новой власти у семейских сформировалось буквально за два года. В работе А. М. Поповой есть, между прочим, любопытное представление семейских о В. И. Ленине: «Приход антихриста они (семейские. – В. К.) приурочивают к каждому более или менее важному событию в истории России. Петр 1-й – антихрист. Наполеон 1-й, Вильгельм 2-й и, наконец, Владимир Ильич Ленин – тоже. Но о Ленине общее мнение раскололось. В некоторых селах держится слух о том, что Владимир Ильич перед смертью раскаялся, отступился от «кумунии», позвал попа, причастился и его похоронили с «архиреями». Если о Ленине ходят разноречивые слухи, то о коммунистах, как о слугах антихриста, мнение довольно дружное у остальных семейских» (Попова 1928,30–31).

За последнее десятилетие описание семейских в исследовательской литературе и различного рода очерках изменилось. Пример тому – последняя книга Ф. Ф. Болонев, семейского по происхождению, которому, по его личному признанию, в работах 1970—1980-х годов приходилось замалчивать многие стороны быта и культуры забайкальских старообрядцев (см.: Болонев 1994). В начале XXI века жизнь семейских, конечно, совсем иная, чем во времена П. С. Паласса и декабристов, но наши собственные впечатления о семейских во время экспедиционной работы таковы: трудолюбие, гостеприимство, нравственное и физическое здоровье, стремление к чистоте и опрятности в доме, отмеченные еще первыми путешественниками, остаются неотъемлемыми свойствами их характера и быта. Это говорит о том, что семейский текст, который создан в XVIII – начале XIX века просвещенными людьми, вновь «перечитывается» и в наши дни⁶.

Библиография

- Бестужевы М. и Н.: 1929, Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых, Иркутск.
- Болонев Ф. Ф.: 1994, Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв., Новосибирск.
- Геденштром М. М.: 1830, Отрывки о Сибири, Москва.
- Долотов А.: 1931, Старообрядчество в Бурятии: Семейские в Забайкалье, Верхнеудинск, 1931.
- Кляус В. Л.: 2001, 'Российско-американская экспедиция «Песни и обряды староверов Забайкалья»', Живая старина, № 2.
- Кляус В. Л.: 2003, 'Поселения старообрядцев (семейских) на картах путешественников по Забайкалью', Russian Literature LIII–II/III, 203–216.
- Максимов С. В.: 1871, Сибирь и каторга, в 3 ч., С. – Петербург.
- Мартос А. И.: 1827, Письма о Восточной Сибири, Москва.
- Некрасов Н. А.: 1975, 'Дедушка: Поэма', Некрасов Н. А., Стихотворения и поэмы, Москва, 320–332.
- Осокин Г. М.: 1906, На границе Монголии: Очерки и материалы из этнографии Юго-Западного Забайкалья, С. – Петербург.
- Паллас П. С.: 1878, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 3, С. – Петербург.
- Попова А. М.: 1928, Семейские: (Забайкальские старообрядцы), Верхнеудинск.
- Ровинский П. А.: 1873, 'Материалы для этнографии Забайкалья', Известия Восточносибирского отдела РГО, т. 4, № 2; № 3.
- РП – Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь, Москва, т. 3.
- Селищев А. М.: 1920, Забайкальские старообрядцы: Семейские, Иркутск.
- Талько-Грынцевич Ю. Д.: 1898, К антропологии великороссов: Семейские (старообрядцы) забайкальские, Томск.
- Талько-Грынцевич Ю. Д.: 2000, 'Сибирские страницы жизни', Пер. с польского Н. Эйльбарт, Чита.
- Kiderra Г: 2001, 'Siberia: Back to the Past', USC Trojan Family Magazine, 2001, vol. 33, № 1.

---

⁶ В качестве примера последнего приведу цитаты из статей, написанных по итогам российско-американской экспедиции 2000 г. (см.: Кляус 2001, 49). Вот что о своих впечатлениях о семейских рассказывает М. Маккилвери: «Nearly 80, Baba Nastya (А. Д. Евсеева из с. Укыр, одна из замечательных пещельниц. – В. К.) still gets up at the crack of dawn and works to midnight» (Kiderra 2001, 39–40). Другая участница экспедиции, студентка К. Перкинс, отмечает: «They just live their lives to the best of their abilities. They were very open, very warm and very generous with everything – including their hearts <...> An opened door (в домах, куда мы приходили. – В. К.) usually meant an open invitation to sit down to a meal and long talk» (Там же). Об этом же пишет и профессор М. Левитт, руководитель американской группы: «They also showed a greater degree of wariness about dealing with outsiders and foreigners» (Levitt 2001, 18).

Levitt M.: 2001, 'Notes on a Joint Russian-American Expedition to the Semeiskii Old Believers of Transbaikal', SEEFA Journal 2001, vol. VI, № 2.

Н. Б. Бахтин (Санкт-Петербург) **За успех безнадежного дела (история невыхода** **Энциклопедии Дальневосточного края)**

В этой небольшой заметке мне хотелось бы рассказать об одном нереализованном проекте начала 1930-х годов – о попытке составить и выпустить Энциклопедию Дальневосточного края⁷.

Осенью 1927 г. у ряда руководителей Дальневосточного края (далее ДВК) возникла идея издания Энциклопедии ДВК (далее ЭДВК). Сейчас уже вряд ли можно установить, в чьей именно голове зародилась эта мысль; возможно, авторов проекта подтолкнула общая тенденция к регионализации, НЭПовская децентрализация середины 1920-х годов, развитие региональной самостоятельности в самых разных областях жизни, а возможно – она была подсказана известиями о том, что в Новосибирске начато осуществление проекта Сибирской энциклопедии (см. об этом ниже).

В сентябре 1927 г. краевые власти приняли решение о необходимости издания такой энциклопедии и постановили начать работу (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 1, л. 82). Работа была поручена самой крупной в то время в регионе книгоиздательской фирме – АО «Книжное дело». Не очень, видимо, представляя объем и масштабы работы, АО «Книжное дело» выделило для решения этой задачи одного сотрудника. Не удивительно, что ничего серьезного этот человек сделать не смог. Год спустя, в сентябре 1928 г., видя, что работа не движется, краевые власти назначили ответственным за проект одного из сотрудников крайкома партии, Виктора Яковлевича Волынского, и поручили ему организовать дело (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 1, л. 82–82 об). Официально работа началась 22 декабря 1928 г. (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 2, л. 71 и сл.).

25 января 1929 г. на заседании Президиума Дальневосточного крайисполкома был утвержден Совет энциклопедии в составе 40 человек и редколлегия, куда вошли: В. Я. Волынский (главный редактор), К. Я. Луке, М. Г. Мевзос, В. М. Савич, Энгельгардт. Примерно тогда же был сформирован секретариат в составе: Шавров, Гампер, Данишевский, Барсова. В. Я. Волынский отправился в командировку сначала в Москву, затем в Новосибирск, чтобы познакомиться с работой над БСЭ, Малой СЭ и Сибирской энциклопедией, перенять опыт организации такой работы (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 1, л. 82 об.).

Создавать ЭДВК предполагалось своими силами: авторами, по замыслу организаторов, должны были быть лица, работающие и живущие в крае. По плану ЭДВК должна была быть завершена за два года и передана издательству в октябре 1930 года.

Что до целей издания ЭДВК и ее принципов, то они исчерпывающе сформулированы в официальных документах, прежде всего в концепции ЭДВК. Позволю себе процитировать один документ (с некоторой правкой орфографии и грамматики, которые в документе оставляют желать лучшего); он мог бы служить своего рода манифестом регионализма:

«Каждому из лиц, работающих в нашем крае или так или иначе с ним связанных, в его работе дает себя чувствовать отсутствие настольной книги, справочника, в которой он мог бы

---

⁷ Насколько я могу судить, эта история почти неизвестна, публикаций по ней мало: существуют две небольшие работы, специально посвященные этой теме (см.: Садохина 1973, 1990). Мне эта история стала известна благодаря работе в Государственном архиве Хабаровского края, на материалах которого в значительной степени и построена данная публикация. Пользуясь случаем, хотел бы выразить искреннюю признательность работникам Государственного архива Хабаровского края, профессионально и доброжелательно помогавшим мне в работе, и в особенности Наталье Николаевне Бендик за постоянную помощь и поддержку.

получить быстро, с необходимой полнотой, сведения о крае во всех проявлениях его многогранной жизни и почерпнуть материалы, проверенные и увязанные со всем хозяйством края и перспективными планами его дальнейшего развития.

Если все эти данные, возможно, и имеются в многочисленной уже краевой литературе, то они разбросаны в стольких разных изданиях, размещенных в стольких библиотеках и хранилищах, что получение их требует часто изрядного времени. К тому же не всегда сведения, имеющиеся в различных изданиях, верны и согласуются между собой. Один и тот же вопрос освещается в разных трудах разное; об одном и том же предмете даются часто резко разнящиеся цифровые данные.

Изданные уже и издаваемые справочники затрагивают ДВК только вскользь, освещают нередко наши краевые вопросы неправильно, искажают истинное положение и поэтому не могут служить нам источником при наших практических работах. Большие энциклопедии – преследуя обширные цели – уделяют ДВК минимум внимания, содержат в себе также немало погрешностей, что понятно и объяснимо тем, что все они составляются без участия самого края и лиц его знающих и в нем работающих. <...>

Прибывающим в край работникам необходимо будет, приступая к практической работе, в минимально короткий срок ознакомиться с краем и всем разнообразием его жизни в максимально полном объеме. Помочь им в этом сможет только настольно-справочная книга – «Энциклопедия» – содержащая все нужные о крае сведения в сжатой, но достаточной для практических целей форме, являющаяся как бы экстрактом всех ценных и нужных для работы сегодня и завтра сведений о крае, разбросанных сейчас во многих трудах, в ведомственных материалах, хранящихся в портфелях научных обществ, общественных организаций, в архивах, имеющих у частных лиц.

Гранича с рядом других государств (Монголия, Китай с Манчжурией, Япония, Корея, САСШ-Аляска) и вступая с этими странами во все более тесные экономические связи, которые будут становиться с течением времени все теснее и неразрывнее, имея в виду, что ни одна проблема Т<ихого> О<кеана> (перенаселение, питание, снабжение сырьем, пути сообщения и т. д.) не сможет быть разрешена сколько-нибудь рационально и к выгоде трудящихся масс без участия ДВК – мы не можем, с одной стороны, не знать основное об этих странах <...>, и не можем, с другой, не ознакомить эти страны с истинным положением нашего края <...> Такое взаимное ознакомление может быть достигнуто тем, что «Энциклопедия ДВК» включит в себя и все основные данные о жизни этих стран. <...>

В отличие от всех изданных уже энциклопедий, наше издание должно получить строго практический уклон, охватить с исчерпывающей полнотой все то, что действительно нужно нам в своей повседневной, кропотливой работе по строительству социализма в крае, уделяя остальному уже значительно меньше внимания и включая его в издаваемый труд только постольку, поскольку без таких сведений не были бы понятны ни ход развития его жизни в прошедшем, разнообразие во всех проявлениях его жизни, ни его взаимоотношения с окружающими его странами.

Такая установка требует, понятно, собирания сначала возможно полного материала о крае, имеющегося налицо сейчас не только в уже изданных и опубликованных разнообразных трудах, но и хранящегося в недрах учреждений, организаций, у отдельных лиц.

Подбор этого материала возможно будет осуществить только при содействии всех учреждений, организаций, обществ края, его научных учреждений, всех научных работников, специалистов края, знатоков его, изучающих и изучавших его так или иначе, всех граждан, имеющих у себя материалы о крае и сопредельных с ним странах. <...>

Рассчитанный на широкий круг читателей, на обширную и разнородную по подготовке и [квалификации] группу работников, для пользования которыми назначается энциклопедия, ее содержание, оставаясь строго марксистски-научным, должно быть приноровлено к понятиям

лиц с законченным образованием в объеме школ II ступени» (ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 1, л. 47–50).

Из представленной концепции видно, что организаторы планировали создать своего рода «Народную энциклопедию», в работе над которой участвовали бы все жители, которая отражала бы реальную, современную им ситуацию в крае, и при этом такую, которой могли бы пользоваться хозяйственные и советские работники, не имеющие высшего образования. Иначе говоря – региональная энциклопедия для региона и силами региона. Любопытно также, что руководители края не мыслили себе ДВК без «сопредельных стран», в отрыве от Китая, Японии, Кореи, и планировали решать хозяйственные проблемы края в тесном сотрудничестве с соседями – с теми, кто сегодня входит в «Азиатско-Тихоокеанский регион».

В начале работы планировался следующий состав ЭДВК по тематическим разделам, отдельные статьи которых должны были быть впоследствии распределены в алфавитном порядке: Том 1. Природа края и его естественные богатства. Том 2. Человек. Том 3. Народное хозяйство. Том 4. Сопредельные с ДВК части СССР и страны (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1–36).

В этой заметке я коснусь в основном второго тома, который в материалах ЭДВК условно назывался «Культурно-исторический раздел».

Руководителем культурно-исторического раздела в конце концов, после ряда перестановок, был назначен К. Я. Луке (1888–1932), активный участник гражданской войны, в 1921–1922 годах министр по делам национальностей Дальневосточной Республики, впоследствии – член Комитета Севера. Луке активно взялся за работу, и уже 15 января 1929 года на заседании редколлегии была принята программа этого раздела, в который предполагалось включить следующие рубрики:

1. Население. 2. История. 3. Культурное строительство. 4. Общественная жизнь. 5. Вопросы права и управления. 6. Вопросы военной обороны (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 2, л. 29).

Этот план со временем претерпел изменения и в окончательном варианте выглядел так:

1. История края. 2. Этнография и демография. 3. Районирование, населенные пункты, местное самоуправление. 4. Культурно-общественная жизнь, народное образование, культура, искусство, печать. 5. Здравоохранение, физкультура. 6. Суд, преступность. 7. Страхование. 8. Профессиональное движение (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 4, л. 3).

Любопытно выглядит план подраздела «Население»:

1. Группы народностей (крупные этнические группы). антропологическая характеристика

- этнографическая характеристика
- расселение и миграции

2. Коренное туземное население.

3. Пришлое население (русские, украинцы, белорусы, корейцы, китайцы, якуты и др.).

4. Метисы (характеристика смешанных – обрусевших групп: камчадалы, забайкальские метисы и метизированные с китайцами туземцы Приморья).

5. Этнография отдельных вопросов материальной и социальной культуры населения ДВК:

- средства производства у туземцев
- жилище
- средства передвижения
- орудия промыслов
- языки и наречия
- фольклор и письменность
- искусство туземцев

- быт и религиозные представления
- вопросы переселения и вымирания (ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 2, л. 29–30).

Возникает естественный вопрос: кто же должен был, по замыслу организаторов проекта, писать все эти статьи? С одной стороны, сам проект, на мой взгляд, заслуживает высокой оценки: запланированные темы выдают стремление авторов проекта описать действительную, реальную этническую ситуацию в крае. К примеру, оправданное определение «смешанного населения» в группу метисов в последующей советской этнографии, а до определенной степени и в предшествующей российской, было не слишком популярным и являлось для того времени важным научным достижением. С другой стороны, декларированная опора только на местные силы вряд ли была реалистичной: старые исследователи, работавшие на Дальнем Востоке, члены

Приамурского отдела ИРГО, блестяще знавшие край (Н. Л. Гондатти, В. П. Маргаритов, А. В. Олсуфьев, Н. В. Слюнин и др.), к этому времени уже или умерли, или эмигрировали (кроме, пожалуй, В. К. Арсеньева, который скончался в 1930 г.), а новых специалистов на такой проект на Дальнем Востоке явно не могло хватить. Действительно, фамилии авторов (за исключением последней, разумеется), которым было первоначально поручено писать статьи по культурно-историческому разделу, мало что говорят современному исследователю: Папшин, Покровский, Терновский, Гвоздев, Фризендорф, Залесский, Гурман, Кузениц, Билибин.

Однако уже летом 1929 г. на адрес редколлегии ЭДВК пришло письмо от В. Г. Богораза (по-видимому, в ответ на какое-то обращение к нему) с предложением написать некоторые статьи, найти авторов для ряда других статей и выступить общим редактором всех статей по северным народам. Это предложение было принято на заседании редколлегии (Протокол № 43 от 19 июля 1929 г.), и было решено заказать Богоразу статьи «Палеоазиаты», «Чукчи», «Эскимосы», «Камчадалы», а В. И. Иохельсону – статьи «Коряки», «Юкагиры», «Алеуты», «Ительмены» (ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 1, л. 108).

Постепенно «посторонних» авторов становилось все больше: в работу включались профессиональные североведы, как опытные, так и начинающие. Вот как выглядит один из вариантов (близкий к окончательному) списка заказанных статей и их авторов:

- айны – по материалам Штернберга
  - алеуты – Богораз, Иохельсон, Редько, Кулагин
  - гиляки – Крейнович, Козин
  - гольды – Вальронд-Липская, Косьминский
  - забайкальцы – Добромыслов, Белявский
  - ительмены – Иохельсон
  - камчадалы – Шавров, Иохельсон
  - коряки – Шавров, Стебницкий
  - ламуты – Бауэрман, Мыльникова
  - метисы Уссурийского края – Шпринцын, Арсеньев
  - орочены – Титов
  - ороки – Крейнович, Юркевич
  - тазы – Арсеньев, Шпринцын
  - удэ, орочи – Арсеньев, Васильев, Шнейдер
  - ульчи – Каргер
  - чуванцы и юкагиры – Богораз, Спиридонов
  - чукчи – Богораз, Иохельсон
  - эвен-тунгусы – Кошкин
  - эскимосы – Богораз, Форштейн (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 4 а, л. 20).
- И более поздние добавления к этому списку:
- гольды – Василевич (зачеркнуто, вписано Каргер)

- гольдский язык – Липская
- говор Камчатской области – Жидяевский
- говоры русские дальневосточные – Георгиевский
- Джезупа, экспедиция – Иохельсон
- долгане – Василевич
- ительмены, ительменский язык – Орлова
- камчадалы – Орлова (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 8, л. 16).

В конце 1929 – начале 1930 годов начали поступать первые статьи. Из-за ограниченного времени работы в ГАХК, а также из-за того, что данная тема была для меня все-таки побочной, я не смог просмотреть все 130 с лишним дел Фонда ЭДВК и пока не могу дать полный список имеющихся в Фонде статей по народам Дальнего Востока и Севера и по смежным этнографическим и историческим темам. Мне удалось просмотреть 45 дел, в которых обнаружались следующие этнографические статьи:

- алеуты и их острова – В. И. Иохельсон (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 17, л. 191–194)
- гиляки – Ю. А. Крейнович, рукопись и правленая машинопись со вставками, а также машинописная копия без латинских вставок (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 30, л. 240–260)
- кекари (старое название удэгейцев) – Шнейдер (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 45, л. 77)
- Кивак (ныне не существующее эскимосское село) – А. С. Форштейн (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 45, л. 134) и Г. Сычев (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 45, л. 135) – две разные статьи об одном поселке
- кили (одна из нанайских подгрупп) – Г. М. Василевич (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 45, л. 159)
- метисы Забайкальские – А. К. Белявский (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 51, л. 176–179)
- шаманство – А. К. Белявский (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 66, л. 1а–47)
- юагиры и чуванцы – В. И. Иохельсон (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 69, л. 2–5).

Кроме того, в материалах ЭДВК множество мелких заметок типа «Каюр», «Чаут», «Гарпун» и подобные, в которых дается краткое, в несколько строк, описание того или иного предмета.

К этому времени был опубликован Словник ЭДВК (см.: 1930), по материалам которого легко проследить, какие именно статьи предполагалось включить в ЭДВК.

Примерно тогда же стало ясно, что поставленная задача – завершение всех четырех томов ЭДВК – не может быть решена к сроку. Даже первый том энциклопедии не успевали сдать в издательство к октябрю 1930 года, как планировалось. Сроки сдачи несколько раз переносили, и параллельно быстро иссякал энтузиазм властей относительно издания энциклопедии: все яснее становилось, что региональный справочник в том виде, в каком он был изначально задуман, никак не вписывается в стремительно меняющуюся реальность.

В 1931 г. был издан том материалов по экономическому описанию районов ДВК. Сборник был составлен из статей, подготовленных для энциклопедии, и выпущен в свет в качестве подготовительных материалов к ней, с обращением ко всем читателям присылать в редакцию свои замечания и поправки. Этот том оказался единственным (кроме Словника) изданием по проекту ЭДВК: остальные материалы так и остались в рукописях, не дойдя даже до стадии гранок⁸.

---

⁸ См.: Садохина 1973, 149. Машинописная копия первого тома, хранившаяся в ГАХК, помечена как «Выбывшая»: куда именно она была, неизвестно. По утверждению работников ГАХК, часть фонда ЭДВК имеется в Чите, часть – во Владивостоке, часть, возможно, в Москве.

В ноябре 1931 г. АО «Книжное дело» было закрыто решением властей, все его имущество, включая банковские счета, было передано ОГИЗу (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5). ОГИЗ брал на себя, среди прочих обязательств, и выпуск ЭДВК, но работа, видимо, так и не была начата. Так печально закончился проект издания региональной энциклопедии, материалы которой остались лежать в архиве.

Была ли неудача проекта случайностью? Примерно в то же время, параллельно с проектом ЭДВК и опережая его на несколько лет, развивался и другой проект, который я уже упоминал: в Новосибирске создавалась Сибирская энциклопедия. Работа по подготовке Сибирской энциклопедии началась в 1926 г.; первый том вышел в 1929, второй – в марте 1931, третий – в апреле 1933. В начале 1934 г. была приостановлена печать четвертого тома, после чего издание заглохло (Лившиц 1969, 49). Иными словами, проект-близнец, первые тома которого получили восторженные рецензии, в том числе и в «Наших достижениях» (1930, № 5), издававшихся влиятельнейшим Горьким, был приостановлен и тоже не закончен. Причиной его несколько большего успеха можно считать, видимо, то простое обстоятельство, что он был начат в 1925, а не в 1928 г. и что во главе его с самого начала стоял более увлеченный и, как кажется, несколько более образованный человек – М. М. Басов (см.: Лившиц 1969, 49).

Очень похожая судьба была и у третьего сходного проекта – Дальневосточной Библиографии под редакцией профессора Н. В. Здобнова. Библиография (25-томное издание) была задумана в 1931 г., два первых тома вышли в 1935-м, остальные тома были законсервированы, большая часть материалов к ним утрачена (см.: Николаев 1969).

Мне кажется, что существует три причины, по которым этот проект (как и два другие, упомянутые выше, как и, видимо, множество других аналогичных, более или менее крупных региональных проектов) не имел шансов реализоваться. Одна из этих причин внутренняя, две другие – внешние.

Первая причина состоит в том, что в конце 1920-х годов на Дальнем Востоке еще не было (или, если угодно, уже не было) достаточных научных и интеллектуальных сил для выполнения такого проекта (см.: Садохина 1973, 150). Сквозь все протоколы заседаний редколлегии, письма и документы проходит один сюжет – отчаянные поиски людей, которые могли бы выполнить поставленную задачу. Так, вначале распределение обязанностей в редколлегии выглядело следующим образом: Главный секретарь редакции – К. Б. Шавров, секретарь по разделу культурно-историческому – Э. А. Кампар, по разделу экономики никого найти не смогли. Затем Кампар был «переброшен» в экономический раздел, в культурно-исторический принят Л. И. Данилович; через два месяца Данилович уволен как не справившийся с работой, назначен Е. Э. Данишевский. Через некоторое время и Данишевский отстранен от работы, на его место назначен К. Я. Луке (см.: ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 1, л. 60). О появлении в числе авторов «столичных» ученых – Богораза, Иохельсона, Шнейдера, Стебницкого, Василевич, Крейнвича – я уже упоминал.

Вторая причина заключалась в характере ЭДВК, принципах ее составления. Для работы над статьями по истории ДВК в соответствии с этими принципами привлекались прежде всего специалисты и участники событий, независимо от их политических взглядов. К примеру, статью об анархизме и анархистах на Дальнем Востоке заказали некоему Гейцману, сотруднику НКВД во Владивостоке, который в свое время был активным членом партии анархистов. Гейцман на письмо не ответил, поиски автора для этой темы продолжались. Вот выдержка из письма редколлегии по этому вопросу от 26 ноября 1930 г.:

«В свое время мы безрезультатно, правда, обращались к агенту НКВД во Владивостоке – т. Гейцману, <...> так как, по общему мнению, он является наиболее компетентным при создавшихся условиях лицом, хорошо знающим эту тему. <...> возможно, что там (во Владивостоке. – Н. В.) имеются еще лица, если непосредственно не участвовавшие в движении, то соприкасавшиеся с ним в прошлом» (ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 130, л. 58).

То, что в 1927 г. еще могло быть обычными поисками потенциального автора, к началу 1930-х годов стремительно превращалось в политический донос, и уж конечно никакая цензура никогда не позволила бы в середине 1930-х годов члену партии анархистов быть автором статьи об анархистах для официальной советской энциклопедии.

Точно так же статьи о партизанском движении в ДВК заказывались участникам этого движения, ср.:

«Освещение этой темы может быть проведено путем привлечения непосредственных участников партизанского движения, в особенности лиц, руководивших им» (письмо от 15 декабря 1930 г.; ГАХК, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 130, л. 71).

Попытка в начале 1930-х годов создать справочник по реальной истории края, описывающий действительную экономическую, политическую и военную ситуацию в нем, дающий правдивые сведения о его природных богатствах была обречена на провал. На некоторых статьях (в частности, статьях о добыче золота) стоят позднейшие пометки редакторов: «Не для разглашения»; авторы-эмигранты, вроде В. И. Иохельсона, к этому времени уже были у властей сильно не в чести, а политическая, экономическая и культурная действительность к этому моменту уже никого не интересовала: любая советская энциклопедия, и особенно исторические статьи в ней, быстро превращалась в «соцреалистическое» творчество: в них описывалось не то, что и как есть или было, а то, что, по мнению центральных властей, должно было быть. Эту же причину неудачи ЭДВК называет и Т. И. Садохина, которой, по понятным причинам, приходится в публикации 1973 г. пользоваться эзоповым языком. Она пишет, что в 1931 г., в связи с неудачей «Книжного Дела», в Москве было образовано отделение редакции, на которое возлагалась обязанность окончательной подготовки материалов к печати; и далее, комментируя причины невыхода ЭДВК, отмечает, что «особое внимание обращалось на содержание статей о деятельности Коммунистической партии на Дальнем Востоке и статей историко-революционной тематики» (Садохина 1973, 148). Большого в 1973 г. Т. И. Садохина печатно сказать не могла, но и этого достаточно, чтобы понять, почему ЭДВК так и не была опубликована.

Неудивительно, что судьба многих организаторов и авторов ЭДВК оказалась трагической. Мне не удалось пока проследить судьбы всех участников проекта, но и того, что известно, достаточно, чтобы сделать выводы. Двое из пяти основных сотрудников ЭДВК были арестованы и осуждены по политическим статьям: Е. Э. Данишевский в 1932 году был лишен свободы на 5 лет, В. М. Савич – в 1934 г. на 10 лет (см.: Книга памяти). О судьбе М. Г. Мевзоса, Энгельгардта, К. Я. Лукса и самого В. Я. Волынского мне ничего не известно, но я подозреваю, что и они не избежали той же участи: слишком уж не совпадало то, что они декларировали и делали в проекте ЭДВК, с новой партийной политикой. Из предполагавшихся авторов этнографических статей значительная часть также попала в лагеря: доподлинно известно, что лагерный срок отбывали (или были сразу расстреляны) Форштейн, Спиридонов, Крейнович, Кошкин, Цинциус, Шнейдер; Богораз умер в 1936 г. своей смертью; Иохельсон эмигрировал; Арсеньев умер, преследуемый НКВД, а его семья была практически в полном составе в течение нескольких лет арестована (см.: Арсеньев 1997).

Наконец, третья причина неудачи проекта (тесно связанная с предыдущей) заключается, как мне представляется, в самом выборе момента для создания ЭДВК. Роль энциклопедии – подведение итогов. Чисто этимологически энциклопедия призвана научить, ввести следующее поколение в определенный круг итоговых знаний, собранных предшественниками, зафиксировать опыт отцов. Для этого необходимо, чтобы в период, пока энциклопедия создается, содержание знаний, накопленных в предшествующий период, рассматривалось новым поколением как ценность. Если за время – немалое – пока идет работа по сбору информации, общество существенно изменяется и перестает относиться к знанию предшествующего периода как к ценности, энциклопедия оказывается ненужной, или ее, в крайнем случае, приходится переписывать и переиздавать, как случалось неоднократно с БСЭ. В этом отношении конец 1920-

х годов был для сбора «круга итоговых знаний» на редкость неудачным моментом: шло переписывание истории, и канонизация в какой-либо форме предшествующих событий, деятелей и ценностей, да еще самодеятельная, на уровне региона, без санкции центра, была, с точки зрения коммунистических властей, невозможна и вредна.

И последнее. Естественный вопрос, который возникает у всякого, кто держит в руках эти толстенные папки с материалами ЭДВК, листает тысячи страниц, заполненные детальной информацией о крае: что теперь со всем этим делать? Есть ли у этих материалов какое-нибудь будущее?

Ответ на этот вопрос зависит, видимо, от того, какую часть этих материалов мы имеем в виду. Материалы по экономике края, его политическому устройству, природным богатствам, демографической ситуации безнадежно устарели и представляют интерес только для историков. Материалы же этнографические, как старое вино, с годами лишь приобретают крепость и неповторимый аромат времени. Не использовать их было бы жалко.

Конечно, просто так издавать эти статьи в том виде, в каком они были написаны в конце 1920-х годов, не следует. С тех пор мы узнали много нового о коренных народах, населяющих этот край, об их истории. Обнаружены и опубликованы материалы Б. О. Пилсудского о Сахалине и об айнах, опубликованы труды В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга; выжившие в лагерях Ю. А. Крейнович и В. И. Цинциус сумели внести огромный вклад в изучение коренных народов Дальнего Востока. Я уж не говорю об исследователях следующих поколений, которые также немало сделали в этой области. Однако статьи, собранные в рамках проекта ЭДВК, могли бы послужить интересным фоном, основой для нового издания, контуры которого видятся мне пока еще весьма смутно, но подумать о котором я считал бы небесполезным.

Мне представляется, что все три перечисленные мною выше причины провала проекта ЭДВК в настоящее время отпали. В самом деле, энциклопедический справочник с условным названием «Народы Дальнего Востока и Севера в XX столетии» подвел бы итог хронологически определенного и весьма бурного этапа развития коренного населения; ценность этой информации несомненна (если авторам удастся удержаться от идеологического крена как в сторону прославления, так и в сторону очернения советского периода истории народов Севера). Усилия специалистов, причем не только российских, но и европейских, американских, японских, могли бы, как мне кажется, привести к созданию действительно объективной, достоверной справочной книги, в которой жизнь и судьба этого региона рассматривалась бы так, как об этом мечтали создатели проекта ЭДВК – в неразрывной связи с сопредельными странами и соседними регионами России. Наконец, существенно усилившиеся за последние десять лет контакты между учеными Дальнего Востока и всем мировым сообществом, равно как и значительно выросший уровень самой дальневосточной науки позволяют надеяться, что издание подобной книги не придется организовывать «местными силами», а можно будет, как того и требует настоящая наука, привлечь к этой работе высококлассных специалистов независимо от их гражданства, места проживания и политических убеждений.

Мне представляется, что эстафетная палочка, выпавшая из рук энтузиастов ЭДВК в начале 1930-х годов и бережно сохраненная для нас работниками ГАХК, должна быть сегодня в той или иной форме подхвачена.

Библиография

Арсеньев В. К.: 1997, Биография в фотодокументах, воспоминаниях..., Владивосток. ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

Книга памяти – «Хотелось бы всех поименно назвать»: Книга памяти жертв репрессий Хабаровского края, в 2 тт., Хабаровск, 1997–1998.

Лившиц С. Г.: 1969, 'Первая советская краевая энциклопедия', Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири, Новосибирск.

Николаев В. А.: 1969, 'Н. В. Здобнов и библиография Сибири', Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири, Новосибирск.

НКВД – Народный комиссариат иностранных дел.

ОГИЗ – Объединение государственных издательств РСФСР.

Садохина Т. И.: 1973, 'Из истории подготовки энциклопедии Дальневосточного края', Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, вып. 15, 141–150.

Садохина Т. И.: 1990, З. Н. Матвеев и «Энциклопедия Дальневосточного края», Зотику Николаевичу Матвееву: К 100-летию со дня рождения: Материалы юбилейных чтений, 2 ноября 1989 г., Владивосток, 54–57.

Словник ЭДВК – Энциклопедия Дальневосточного края: Проспект-словник, Хабаровск, 1930.

Д. К. Равинский (Санкт-Петербург)

Златоуст – город на краю Европы

Согласно энциклопедической справке, «Златоуст – город областного подчинения в Челябинской области, исторически сложившийся центр качественной металлургии <...>. Население (1993) – 206 тысяч человек – среди 1030 городов России Златоуст по населению занимает 83-е место»; ЗЭ, 128). В сознании сегодняшних россиян, насколько можно судить по проведенному автором небольшому опросу, 83-й по населению город связывается со вполне определенными ассоциациями. Во-первых, Златоуст – это город, где делают замечательную сталь. Рискнем предположить, что существенный вклад в формирование этого образа в массовом сознании внес В. П. Катаев, в чьей повести «Сын полка» мальчик-кавалерист хвастается перед Ваней Солнцевым: «Видал мою шашечку? Знатный, братец, клинок. Златоустовский. Его, если хочешь знать, можно колесом согнуть, и он не сломается» (Катаев 1956, 505). Поскольку повесть долгое время входила в программу обязательного чтения в пятом классе средней школы, соответствующая ассоциация закрепились в подсознании нескольких поколений. Во-вторых, Златоуст – родина выдающихся спортсменов: шахматиста Анатолия Карпова и (теперь это вспоминают значительно реже) конькобежки Лидии Скобликовой. Хотя знаменитые спортсмены давно не живут в родном городе, он все еще связан с их именами. Другие именитые уроженцы Златоуста, скажем, маршал Б. М. Шапошников, в общественном сознании никак с городом не ассоциируются. И, наконец, останавливает внимание и запоминается красивое название города, выделяющее его из 1030 городов России. Свое название Златоуст получил, разумеется, в честь известного православного святого – именно поэтому в 1930-е годы обсуждался вопрос о переименовании города, и даже в 1970-е группа граждан обратилась к властям с подобным предложением (см.: Стрельников 1993, 17). Но – отвлекаясь от религиозного смысла – имя города заставляло работать воображение. «За столом у нас подавали ножи и вилки, на которых паутинными линиями нанесены были горы, а на них елки и сосенки. <...> У меня был топорик, на нем – рогатый зверь олень. – Однажды, рассматривая мой топорик, кто-то из взрослых сказал: – Какое искусство! И в слове «Златоуст» мне послышался тот же корень, что и в слове «искусство». А то, что «золото», «злато» слышалось в слове «Златоуст» тоже не требовало размышлений. <...> Вот где-то там, на золотом прииске, в Златоусте, потому что, когда говорили о приисках, часто говорили об устье ручья, – и работал таинственный нянькин Канка» (Либединский 1964, 26). (Для прояснения круга ассоциаций добавим, что упоминаемые Ю. Либединским ножи, вилки, топоры – знаменитые в свое время изделия златоустовских мастеров.)

Златоуст был основан как Златоустовский железоделательный завод в царствование Елизаветы Петровны. Днем основания города считается 31 августа (по новому стилю 11 сентября) 1754 г., и День города празднуется с 1962 г. 11 сентября. Однако имя свое город получил, по видимому, от церковного праздника Иоанна Златоуста, отмечаемого 13 ноября (по старому стилю). Дело в том, что контракт на постройку завода был заключен 11 ноября 1751 г., и в контракте завод уже назван Златоустовским. (Другую версию происхождения названия города мимоходом упомянул в своих путевых заметках М. Л. Леонов: «Свое название он получил от устроенной здесь в 1765 году купцом Мосоловым церкви во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго»; Горемыка 1903,14). Основали завод тульские купцы Мосоловы. Во время пугачевщины повстанцы сожгли завод и увели рабочих (в изложении 1930-х годов – рабочие сожгли завод и ушли с пугачевцами).

Ключевым для всей истории города событием стал переход завода в 1813 г. из частного владения в казну и одновременное основание в нем производства холодного оружия. «С тех пор Златоустовский казенный завод становится единственным поставщиком холодного оружия для русской армии»⁹. Вполне понятна логика такого решения: война с Наполеоном оказалась мощным стимулом развития в России военной промышленности. Понятен и выбор Златоуста: есть сырьевая база для производства стали высшего качества (руда из казенного Бакальского рудника и древесный уголь многочисленных лесных дач). Правда, русские мастера в то время не умели делать высококачественную сталь, и на завод выписали мастеров из Германии – прежде всего из знаменитого Золингена. Довольно скоро русские мастера усвоили урок и стали работать самостоятельно. (Потомки тех немцев живут в Златоусте до сих пор, претерпев немало испытаний в разные периоды отечественной истории.) Итак, сталь высшего качества и изделия из нее на два столетия стали главным продуктом Златоуста, определив не только историю города, но саму тональность этой истории. Очень важен для этой тональности сюжет о «коренной тайности» – о древнем утерянном секрете производства булата (стали особых, почти мистических достоинств), вновь найденном в Златоусте металлургом П. П. Аносовым. Сюжет этот достаточно драматичен, поскольку найденный секрет спустя некоторое время был вновь утерян. По преданию, после смерти Аносова способ изготовления русского булата знал лишь его любимый помощник Швецов, передавший, в свою очередь, секрет сыну с заветом передавать его только «своим», то есть старообрядцам, к которым принадлежали Швецовы. Сын, умерший в 1919 г., секрет никому не передал, что легко объяснить в тогдашней исторической ситуации. Лишь после Великой Отечественной войны, в связи с пышно отмечавшимся юбилеем Аносова, провозгласили, что советские металлурги вновь овладели древним секретом, хотя, судя по всему, полученная сталь существенно отличалась от легендарного булата.

Стальное златоустовское производство не ограничивалось холодным оружием. Знаменитый П. М. Обухов, став в 1854 г. управляющим Златоустовской оружейной фабрикой, разработал способ приготовления пушечной стали, и вскоре в Златоусте стали выпускать лучшие в то время русские пушки. Одна из них, отмеченная медалью на знаменитой Всемирной выставке в Лондоне, сейчас выставлена в Артиллерийском музее в Петербурге. Производство артиллерийских орудий (и их современных модификаций) до сих пор остается в городе ведущим направлением (особый вклад в это вносит построенный в годы войны машиностроительный завод), но не самым известным. Любопытно, что наивный путешественник начала XX века связывает славу города не с пушками и даже не с холодным оружием: «Проехали мы знаменитый Златоуст, хотели купить разных кустарных изделий по поручению из России, но мы горько разочаровались: в Златоусте нам назначили такие цены за местные изделия, что мы в России покупали много дешевле»¹⁰.

---

⁹ Маховик, Златоуст, 1923, № 3,9.

¹⁰ Суровикин 1905,17; см. также: Вестник Европы, 1902, кн. 1,104.

Впрочем, не столько обычные столовые приборы, сколько уже упоминавшиеся гравированные изделия привлекали обывателей. Так называемая «златоустовская гравюра на стали» получила если не мировое, то уж, во всяком случае, всероссийское признание. Посетитель Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки (1880-е годы), с интересом отметив витрины Златоустовского казенного округа, особое внимание обратил на «замечательные столовые приборы, кинжалы, клинки шашек с художественною, по чистоте и рисункам, отделкою золотом и серебром» (Кельцев 1888, 15). В свое время златоустовские мастера изготовили так называемое «Древнее вооружение»: старинные доспехи в подарок наследнику престола. Традиция выпускать «эксклюзивные изделия для высочайших особ» закрепилась надолго – так, по случаю семидесятилетия И. В. Сталина был изготовлен глобус, занявший свое место в Музее подарков.

Менялся ассортимент изделий, производством которых славился Златоуст (постепенно главное место заняла продукция не инструментального, а металлургического завода), но неизменным оставался образ «города-завода». Еще декабрист А. Е. Розен, посетивший в 1837 г. «Златоустовский завод, знаменитый оружейными фабриками», отметил, что «город стоит на высоком месте, обитает одними только мастеровыми и рабочими. Стук молота в железоделательных заводах не умолкает ни днем, ни ночью» (Розен 1984, 322).

Но, вместе с тем, в XIX – начале XX веков сформировалась своеобразная «метафизика» восприятия Златоуста. Сыграло роль и само местоположение города, расположенного в «самой континентальной части Европы»: район Златоуста максимально удален от какого бы то ни было моря (включая Каспийское). Недалеко от Златоуста проходит условная граница Европы и Азии, отмеченная несколькими пограничными знаками. Самый известный из них расположен в районе станции Уржумка, совсем близко от города. Обелиск этот соорудили в 1892 г. по проекту Н. М. Гарина-Михайловского в память о завершении строительства этого участка Транссибирской магистрали, то есть действительно Златоуст оказался чем-то вроде Геркулесовых столпов: дошли до конца Европы и остановились. В конце XIX века краевед П. П. Падучев писал о районе Златоуста: «Географы называют это место Южного Урала горным узлом, в центре которого лежит город Златоуст, являющийся отдельным горнозаводским округом уральских казенных заводов и конечною станцией длиннейшей железнодорожной самаро-златоустовской линии, будущей великой Сибирской дороги» (Падучев 1892, 454). Это особое расположение Златоуста, в сочетании с тем фактом, что он расположен высоко над уровнем моря (самый высокий город Урала), побудило военных топографов в начале XX века выбрать этот район для строительства мощной радиостанции, в радиусе действия которой должна была оказаться вся Россия (крайними точками приема передач станции должны были быть Владивосток и Бобруйск). Первоначально предполагалось построить радиостанцию в самом городе (на горе Бутыловка), но этому решительно воспротивилась городская управа – «у нас тогда и дождя не будет, все тучи радиостанция притянет к себе» – и станцию построили в четырнадцати верстах от города у подножия Александровской сопки. Когда построили, выяснилось, что отправляемые станцией электромагнитные волны поглощаются Александровской сопкой, содержащей в себе залежи магнитных руд. Остатки радиостанции сохранились до наших дней, хотя основную часть оборудования еще до 1917 г. местные жители разобрали «для хозяйственных нужд»¹¹.

Златоуст как «последний город Европы» играет известную роль в воспоминаниях «мимоезжих» путешественников. В городе, как правило, не останавливались, через него проезжали по железной дороге. В общественном сознании сложился определенный канон восприятия Урала при приближении к нему из центра России. Наиболее яркий пример – «Урал впервые» Пастернака. Любопытно проследить схожие мотивы в заметках бесхитростного В. Суровикина,

---

¹¹ Маховик, 143, № 3, 18.

проехавшего поездом всю Россию с запада на восток в начале XX века. «В одном с нами вагоне ехали пассажиры, не раз проезжавшие Уральские горы, но тем не менее, их волновало приближение к этим горам <...> Около трех часов утра мы все уже были или у окон вагона или на платформах. Перед нами горы, но такие<,> которых мы не видели там, в степной России: это какие-то массы, возвышающиеся до облаков, темные гранитные скалы, покрытые зеленеющим лиственным лесом с самым вычурным очертанием на голубом безоблачном небе при восходящем солнце. Дивная, величественная картина, которую невозможно изобразить ни кистью живописца, ни пером поэта, обладающего даже божественным огнем... Это можно только чувствовать, воспринимать, но пересказать, передать другому, это, по-моему, сверх сил человека!» (Суровикин 1905,15). Это ощущение особой, необычной красоты городских окрестностей, связывавшееся с впечатлением «запятанности» Златоуста, неожиданно появляющегося среди гор, придавало своего рода дополнительное измерение индустриальному облику города. Тот же П. П. Падучев утверждал, что в районе Златоуста находилась древняя столица Уральской Башкирии¹². С этим как-то связывался и тот факт, что в окрестностях города всегда оказывалось много сектантов, отшельников, людей «не от мира сего». Несмотря на то, что в Златоусте выстроили громадный православный собор, запечатленный на множестве дореволюционных открыток, старообрядчество всегда занимало в Златоусте весьма прочные позиции.

С течением времени сложилось представление об особом складе местных жителей – так называемых «кузюков» (от аббревиатуры КУЗ – Казенный уральский завод). Речь шла прежде всего о физических, даже антропологических свойствах. Э. Кадомцев вспоминал своих предков, коренных златоустовцев: «Прадеду, деду моей матери, и прабабушке в дни нашего приезда в Златоуст было по девяносто шести лет. Они были еще совершенно здоровые, крепкие старики. Я видел, как прабабушка работала на огороде и пела. Волосы у нее сохранились черные, голос молодой, приятный, зубы, как у девушки, белые. Она сама вела хозяйство.<...> Прадед не дожил одного года до ста лет» (Кадомцев 1937,14). Легко решить, что речь идет о представителях только одного рода, но все тот же П. П. Падучев пишет: «Физическая сила у заводского мастерового культивируется преимущественно, в течение полутора веков, и дарвиновский закон подбора сказался тут рельефно. Если Фридриху Великому удалось путем сознательного подбора создать пресловутых «померанских гренадер», то наши горные заводы, бессознательно действуя в одном направлении, выработали у своих кричных и прокатных мастеров замечательную мускулатуру железной твердости и чудовищной способности к сокращению» (Падучев 1896,22). Приведем, наконец, еще одно свидетельство. После того, как П. А. Обухов, рассорившись со златоустовским начальством, перенес производство стальных пушек в Петербург, он перевез туда и часть златоустовских рабочих. «У нас, на Обуховском заводе, спустя 50 лет, еще сохранились, правда, очень немногие представители этих уральских выходцев – крепкие высокорослые старики. Старое горное гнездо – Златоуст, хотя и против воли, поделилось с петербургскими соперниками своими могучими сынами» (цит. по: Мацевич 1971,15). Напомним, что Александр I, путешествуя по Уралу, именно из Златоуста увез с собой казака Лучкина, поразившего императора ростом и статью.

Каким же был Златоуст до 1917 г.? В изданиях советского времени много говорится о тусклой захолустной жизни горожан в «беспросветные годы царизма», о том, что улица Долгая (переименованная позднее в улицу Карла Маркса) в обиходе звалась Непролазной и т. д. Все это, очевидно, имело свои основания. Однако в целом город все-таки производил на путешественников благоприятное впечатление. «В общем, Златоуст небольшой, но довольно чистенький городок, весь он как на ладони среди огромных гор, поросших ельником». Как выразились бы сейчас, городская инфраструктура была достаточно развита: «в Златоусте около 3000 домов, несколько учебных заведений, из которых первое – городское трехклассное училище.

---

¹² Маховик, 143, № 3,6.

В городе имеется больница, аптека, библиотека, 2 или 3 книжных магазина и частная типография» (Горемыка 1903, 14). Другой мемуарист вспоминает предреволюционные годы: «Из Самары уехали на Урал. Ах! И хорош этот Урал, мохнатый от леса! В Златоусте старинный завод, пруды. С гор сбегает звенящие ручьи. Цветов-то, цветов-то сколько! Домики рабочих заводских бедные, но порядливые. <...> В горах взрывы ухали. Железную дорогу строили дальше на Сибирь» (Щеглов 1957, 24).

Обитавшие в «бедных, но порядливых» домиках рабочие жили не так уж плохо. Хотя Златоуст печально прославился так называемой «златоустовской бойней» 1903 г., когда войска открыли огонь по толпе рабочих, недовольных внезапным изменением трудового договора, тем не менее Златоустовский завод оказался первым в России, где был введен восьмичасовой рабочий день (1897 г.; см.: Мацевич 1971, 16). Примечательные сведения содержатся в воспоминаниях профессионального революционера Эраста Кадомцева: «Братья моей матери – высококвалифицированные слесаря <...> Заработок каждого доходил до двадцати трех – двадцати семи рублей в месяц. Одевались слесаря хорошо. Они приятно отличались от интеллигентов-народников. Народники, чтобы подойти к рабочим, нарочно мазали лица и скверно одевались. Народническая интеллигенция совершенно не знала уральских рабочих. Уральцы чистоплотны, аккуратны. После работы они надевали штиблеты, котелки, перчатки и отправлялись гулять на плотину с девушками, работавшими на рудниках. <...> Я узнал, что отец матери и его братья были крепостными. Мне было известно – об этом говорила не раз мать, – что брат моего прадеда первый ввел в России рисование на стали. Он учился за границей. Тогда посылались много крепостных рабочих за границу; возвращались они оттуда инженерами. Но образование не делало этих инженеров свободными, – заводчики жестоко пороли их за малейшие провинности» (Кадомцев 1937, 15). Даже в 1920-е годы партийные активисты признавались, что «уральский пролетариат это тебе не какой-нибудь московский или ленинградский пролетариат», что «местные уральские условия не позволяют развернуть работу» и т. д. (Под местными условиями подразумевалось то обстоятельство, что большинство уральских рабочих владели собственным хозяйством – тем самым «бедным, но порядливым домиком» с огородом, баней и службами.). «Эта основная особенность уральского рабочего – связь с собственным хозяйством, кладет определенный отпечаток на всю его жизнь, быт, отношение к производству и т. д.». Выработался даже свой, специфичный для Златоуста, тип домашней постройки.

В Златоусте существовало, при этом, достаточно развитое рабочее движение, но главенствующую роль играли в нем не большевики, а эсеры. В 1905–1909 годах в город приезжали даже вожди партии Е. К. Брешко-Брешковская и В. М. Чернов. Когда 27 октября 1917 г. в городе получили известие о победе большевиков в Петрограде, на заседании городского Совета эсеров-меньшевистским большинством была отвергнута предложенная резолюция о переходе власти в руки Советов. Только в марте 1918 г. отряды Красной гвардии разоружили правоэсеровскую боевую дружину и взяли власть в городе, причем решающую роль сыграл полк, состоявший преимущественно из латышей. В годы гражданской войны Златоуст несколько раз переходил из рук в руки. Итогом же стало решительное обновление состава городского населения. Показательно, что известный металлург В. Е. Грум-Гржимайло в 1920-е годы предложил построить в Златоусте первый на Урале крематорий «в связи с высокой смертностью во время голода 1921–1922 гг.». Хотя и сегодня живут в городе те, кто считает себя потомками первопоселенцев, прежний тип «кузюка» ушел в прошлое.

Новая история города развивалась под знаком индустриализации. Особенно это проявилось после посещения Златоуста в 1934 г. тогдашним наркомом тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. 1934–1946 гг. – время бурного роста города, когда его территория увеличилась в несколько раз. В годы войны в Златоуст эвакуировались многие предприятия с запада, например, часовой завод из Москвы и швейная фабрика из Киева, и открылся уже упомянутый машиностроительный завод, но главное – в Златоусте был создан мощный центр военной

промышленности. В 1942 г. в стране оставались только два завода высококачественной стали: Златоустовский и Сталинградский «Красный Октябрь». Последний вскоре прекратил работу. Златоуст и Новокузнецк в годы войны стали главными металлургическими центрами страны. Картину послевоенного Златоуста можно представить по лирическому описанию в повести П. Петунина «Огни в горах» (1951 г.): «Выйди в такой вечер на самую высокую гору Косотур <... > и ты очутишься в центре огней, обступивших тебя со всех сторон. ... Посмотришь направо – и вдруг среди огней засветится оранжево-красное пламя – это на Металлургическом заводе сталевар приподнял заслонку мартеновской печи: наверное, пробу берет; посмотришь прямо перед собой и увидишь, как рвут ночную темноту ослепительные всполохи электросварки – это на заводе металлоконструкций сваривают фермы железнодорожных мостов, пролеты кранов; повернешься налево – там тоже увидишь огни, услышишь глубокие вздохи самого старого в городе завода – инструментального комбината. Он раскинулся у скалистого подножья Косотура. Город живет, город работает целые сутки» (Петунии 1951, 33). В пятидесятые годы Златоуст сформировался окончательно как «город тяжелой индустрии», где улицы носили названия Техническая, Генераторная, Механическая, Котельная, Керамическая, Металлургов, Сталеваров, 1-я Нижнезаводская и т. д., где главными предприятиями были Инструментальный завод имени Ленина и Металлургический завод имени Сталина.

Летом 1962 г. на страницах городской газеты «Златоустовский рабочий» возникла «читательская дискуссия» на тему: «За что мы любим свой город?». Поводом стал разговор с незнакомкой. «Возвращаясь вечером из театра», двое молодых рабочих разговорились в трамвае с молодой девушкой, неожиданно заявившей: «Скучно у вас тут. Златоуст – это город, где одним только работягам жить, ничего кроме работы не знающим» (Маркелов, Козин 1963, 88). Со страниц городской газеты приводились цифры: число златоустовцев, занимающихся в кружках художественной самодеятельности и спортивных секциях; количество спектаклей, поставленных в городском драмтеатре; число вновь открывшихся магазинов и предприятий бытового обслуживания и т. д. Но, надо полагать, «дискуссия» возникла не случайно. «Скука существования» проявлялась в городе во вполне отчетливых формах. В мемуарах В. Ефановой, описывающих возвращение на родину из Харбина, есть строки и о Златоусте: «Дальше Златоуст – какое чудесное название и как очаровательно он расположен. Женщина из соседнего купе говорит мне, что по числу совершенных преступлений Златоуст занимает в Советском Союзе одно из первых мест» (Ефанова 1999, 242).

Начиная с семидесятых годов утвердилась особая стилистика повествования о Златоусте, идущая от сказов П. В. Бажова. Это была своеобразная реакция на безрадостную атмосферу индустриального центра. «Булатным острым клинком прорезала быстрая речка Ай древние хребты рифейские Урену и Таганай, засверкала прозрачным хрусталем, заискрилась слюдяными блестками на зеленом малахите вековой тайги. Двести сорок лет минуло с того дня, как в том месте, где некогда Ай разлучил Урену с Таганаем, человек вновь соединил их плотиной, заложив завод, Златоустовским названный, Косотурским прозванный, самоцветным камушком сверкнувший» (ЗЭ, 6). Это вполне официальный текст – предисловие к «Златоустовской энциклопедии», – подписанный главой городской администрации.

В последнее десятилетие упоминания о городе на страницах центральной прессы носят почти исключительно негативный характер. Разделив судьбу большинства центров ВПК, Златоуст столкнулся с проблемами социального и криминального порядка. В начале 1990-х годов он получил печальную известность плацдарма первой попытки прихода криминала к власти (дело депутата городского совета Морозова). Хотя краеведение в городе усиленно возрождается, восстановление культурного кода – задача не из простых. В Златоустовской поэзии последних лет заметнее всего ностальгические ноты – воспоминания о детстве, об идиллических простых городских пейзажах. «Неисправимо грустный вид // У края, где провел я детство. // Колодец плесенью повит, П Куда любил журавль глядеться. П Где дом был – груда кир-

пича, // Заросшая густой крапивой, // Да от пожарки каланча // Стоит на взгорке сиротливо» (В. Сулов; САД, 52). Можно сказать, что это картина Златоуста начала века, увиденная столь многими мемуаристами. Типичный для советского периода истории Златоуста пафос города-завода постепенно отходит в прошлое.

Библиография

- Горемыка Максим (= Леонов М. Л.): 1903, По Сибири: От Москвы до Сретенски, Москва.
- Ефанова В.: 1999, Домой с черного хода, Москва. ЗЭ – Златоустовская энциклопедия, Златоуст, 1994, т. 1. Кадомцев Э.: 1937, Воспоминания молодости, Москва. Катаев В. П.: 1956, Собрание сочинений, в 5-ти тт., Москва, т. 2. Кельцев С.: 1888, Из поездки на Урал, Москва.
- Либединский Ю.: 1964, Воспитание души, Москва. Маркелов В., Козин И.: 1963, Слава Златоуста, Челябинск. Мацевич Б.: 1971, Ровесник века, Челябинск.
- Падучев П. П.: 1892, 'Русская Швейцария', Исторический вестник, 1892, т. 50.
- Падучев П. П.: 1896, 'Уральская Калифорния', Исторический вестник, 1896, т. 66.
- Петунии П.: 1951, Огни в горах, Челябинск. Розен А. Е.: 1984, Записки декабриста, Иркутск. САД – Стихи Айской долины, Златоуст, 1994.
- Стрельников С.: 1993, Златоуст: Словарь географических названий, Златоуст.
- Суровикин В. А.: 1905, От Острогажска до Тобольска, Москва. Щеглов М. М.: 1957, Наброски по памяти, Симферополь.

II. Европейская «окраина»

Ф. П. Федоров (Даугавпилс)

О русском сознании Латгалии (постановка вопроса)

Сначала небольшая историческая справка.

Прибалтика – один из самых катастрофических регионов Европы последних пяти столетий – в особенности это относится к Латгалии, восточной части нынешней Латвии – катастрофических из-за повышенной интенсивности не столько военных действий, сколько демографических процессов, а именно, систематической смены господствующих этносов и периодически происходящего существенного обновления населения. Начиная с середины XVI века Ливония (территория Латвии и Эстонии, а тогда – конфедерация пяти государств, из которых наиболее мощным являлся Ливонский орден) стала предметом острого политического интереса многих европейских государств, но прежде всего Польши, Швеции и России.

Но для всех этих государств как прошлого, так и настоящего Латгалия – это топоним не только периферийный, окраинный, но и, как многие окраинные топонимы, мультинациональный. Какая бы нация в силу исторических причин в нем ни доминировала, она находится в зоне активного контакта с другими нациями, она обречена на полилог, который может проходить в различных формах, в том числе экспрессивных. Во всяком случае, повышенная демографическая сложность подобного рода регионов вне сомнения. В сущности, в едином пространстве есть несколько активно взаимодействующих национально-культурных локусов. Забегая вперед, можно сказать, что русская культура латгальского региона не только окраинная культура русского культурного поля, но и культура актуализированного, активного пограничья.

Но вернемся к истории. В 1561 г. ливонские земли, за исключением Северной Эстонии, отошедшей к Швеции, перешли под протекторат Польши. Созданное в том же 1561 г. независимое Курземское (Курляндское) герцогство, просуществовавшее до 1795 г., попало, в сущности, в вассальную зависимость от Польши, переживающей золотой век своей государственности, хотя в нем, в герцогстве, существенным являлось немецкое присутствие, а с начала XVIII века очевидным стало и русское влияние. С 1558 г. по 1583 г., во времена Ивана Грозного, активное участие в дележе ливонского пирога приняла Россия, в частности, в 1577 г. русскими войсками был захвачен Динабург; старинная крепость, построенная в 1275 г., была разрушена, и город был перенесен на 18 километров вниз по течению Западной Двины. В 1561 г. в войну вступила Швеция. В результате ожесточенных военных действий конца XVI – начала XVII веков единая Видземская территория в 1629 г. была разделена на две части – шведскую Видземе (северо-западная часть Ливонии, до Даугавы, включая Ригу) и польскую Видземе (восточную часть Ливонии). (Заметим в скобках, что к тому времени наименование Ливония употреблялось уже в узком смысле, как наименование территории, в значительной части соответствующей современной Латвии). Шведскую Видземе стали называть Tiefland, Лифляндией (немецкое обозначение Ливонии), а польскую – Inflanty, Инфлантией (полонизированное название все той же Ливонии).

Но положение в Инфлантии в XVII веке оставалось крайне неустойчивым из-за повышенного интереса Русского государства к прибалтийскому региону, тем более, что Польша вступила в фазу государственного кризиса: в 1654 г. началась русско-польская война, в результате которой были оккупированы восточные области Речи Посполитой, а в 1656 г. – русско-шведская война. В 1656 г. был занят Динабург, переименованный в Борисоглебов, но русское присутствие в регионе длилось чуть больше десяти лет – до 1667 г., когда он вновь отошел к Польше.

С середины XVI века в течение двухсот лет восточная часть Ливонии, Инфлантия (нынешняя Латгалия), являлась в основном польской провинцией. (Название *Latgale*, Латгалия было введено сто лет назад, в 1900 г., во время так называемого Латгальского возрождения). Динабург являлся административным центром Инфлантского воеводства. Естественно, в течение двух столетий оно активно заселялось поляками – настолько активно, что польский акцент был весьма существен в последующие времена, сохранился он и в настоящее время¹³.

Чрезвычайно важным фактом жизни региона явились старообрядческие поселения в районе Динабурга, возникшие в 1660–1680-е годы в результате церковного раскола. Именно тогда началось обживание Инфлантии русским населением. Особенно активно этот процесс протекал в петровское и послепетровское время¹⁴.

В 1772 г. Инфлантия в результате первого раздела Польши вошла в состав Российской империи, сначала – в Псковскую губернию, а с 1802 г. – в Витебскую, в которой и оставалась до 1917 г.

На исходе XVIII века, в 1784 г., Динабург насчитывал 3500 человек. В течение XIX века население Динабурга неуклонно росло, до 1860 г. медленно (по переписи 1860 г., в Динабурге проживало 13300 человек), потом – стремительно: в 1897 г. оно составляло почти 70 тысяч человек и росло за счет евреев и русских (из 70 тысяч 46 % составляли евреи, 28 % – русские, 16 % – поляки, 4 % – немцы, 2 % – латыши). Наконец, самый стремительный рост населения произошел за 15–16 лет конца XIX – начала XX века. По переписи предвоенного 1913 г., в Двинске проживало 113 тысяч, т. е. за полтора десятка лет население выросло на 43 тысячи. В канун первой мировой войны и последующих катастрофических событий в Двинске жило почти 50 % евреев – 56 тысяч (еврейское население продолжало увеличиваться, несмотря на активнейший эмиграционный процесс), 37 % русских (около 42 тысяч; русское население в этот период увеличивалось наиболее интенсивно), остальное население – поляки, немцы, латыши – осталось почти без изменений: около 11 тысяч поляков и 2 тысяч латышей; вдвое уменьшилось количество немцев: вместо 4 тысяч – две.

За 140 лет (1772–1913) Двинск из польского города стал по преимуществу еврейско-русским городом. (В 1893 г. Динабург был переименован в Двинск, частично это отвечало его новому этническому статусу, но прежде всего было продиктовано начатой Александром III политикой активной русификации Прибалтики). Исконное русское население, т. е. население, жившее в регионе к началу XIX века, составляли старообрядцы, потомки первых переселенцев, пришедших в Латгалию во время раскола. По переписи 1913 г., в Двинске числилось 7250 старообрядцев, т. е. 6,4 %. Остальное русское население (34 тысячи) – это переселенцы из Псковской и Витебской губерний, как правило, в первом и втором поколениях. Старожильческое население: поляки, старообрядцы, немцы, латыши, – в результате демографических процессов, происходивших в XIX веке, таким образом, составило 20,35 % всего населения¹⁵.

¹³ Литература об истории Латгалии достаточно велика, см., в частности: Сапунов А. Инфлянты. Исторические судьбы края, известного под именем Польских Инфлянт. – Витебск, 1886; Briska B. *Latgola tipa tautzeme*. – [b. v.], 1984; Zeids T. *Senakie rakstīte Latvijas vestures avoti*. – Rīga, 1992 (см., в частности, с. 207). Библиографический материал см. в: *Latgales vestures macību programma, pamatfakti, avoti un literatura*. – Rēzekne, 1992 (Sastādījis H.Soms).

¹⁴ См.: Подмазов А. Старообрядчество в Латвии. – Рига, 1970; Заварина И. Н. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. – Рига, 1986. Из новейших исследований: Жидко А., Мекш Э. Старообрядчество в Латвии вчера и сегодня // *Revue des Etudes Slaves: Vieux-Croyants et sectes reusses du XVIIe siècle a nos jours*. – Paris, 1997. – P. 73–84.

¹⁵ См.: Волкович Б. З. Население Даугавпилса перед первой мировой войной // Динабург, Двинск, Даугавпилс в истории, культуре, литературе. – Даугавпилс, 1999. – С. 69–73; Якуб З. Даугавпилс в прошлом. – Даугавпилс, 1998. – С. 98–100.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.